

Наталья Антонова

Золотая

УДАВКА

РАССЛЕДОВАНИЕ
ЗА
ЧАШЕЧКОЙ
ЧАЮ

— Уютный детектив —

Уютный детектив

Наталия Антонова

Золотая удавка

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Антонова Н. Н.

Золотая удавка / Н. Н. Антонова — «Эксмо», 2019 — (Уютный детектив)

ISBN 978-5-04-103042-1

Синеглазая красавица Евгения – дочь миллионера, и этим все сказано. Она может позволить себе любой каприз. Но яркая и беззаботная жизнь девушки жестоко прервана – ее нашли задушенной в собственной комнате. Все знали Евгению как легкомысленную, но все-таки хорошую девочку. Однако не привлекла ли она своей открытостью и смелостью слишком опасных людей? Убитый горем отец намерен найти убийцу, поэтому приглашает к себе в дом лучших из лучших – детектива Мирославу Волгину с ее верным секретарем Морисом. Им предстоит выяснить, не скрывается ли за красивым жизнерадостным фасадом мрачная, жестокая и порочная правда...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103042-1

© Антонова Н. Н., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Наталья Николаевна Антонова

Золотая удавка

© Антонова Н.Н., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

На улице, насупившись, стоял ноябрь.

Он нахлобучил серую каракулевую шапку на самые глаза, и оттого, вероятно, вокруг было так пасмурно и неуютно.

Ветер трепал седые космы бурьяна, тряс озябшие деревья, осыпал последние бурье листья с ветвей.

Природа погружалась в сон...

Но в зимнем саду миллиардера Валентина Гавриловича Бельтюкова стояло тропическое лето.

Нежно-зеленые листья одних растений трепетали трогательным ажуром на фоне темной плотной зелени других.

Радовали глаз яркие краски самых разных экзотических цветов и кустарников. Благоухали апельсиновые деревца.

Зачаровывала пестрая вязь орхидей.

Гостю, не искушенному в искусстве зимних садов, хотелось воскликнуть: вот он, рай на земле!

За всем этим богатством ухаживал стройный белокурый юноша по имени Захар.

Захар Петрович Борисов, несмотря на свою молодость, был опытным садовником, так как с детских лет помогал отцу, работавшему в садах обеспеченных людей.

Позднее Захар получил соответствующее образование и, по счастливой случайности, был рекомендован Бельтюкову.

Работы у Захара было много – огромный сад, занимающий обширную площадь, плюс зимний сад и оранжерея.

Летом в помощь Захару нанимались еще двое-трое сезонных работников.

Зимой же он справлялся сам. Лишь в оранжерее ему помогал старый хромой Осип Михайлович Белавин, который почти всю свою жизнь проработал в ботаническом саду, а после аварии и долгого лечения в больницах с помощью своей свояченицы Серафимы Оскаровны Нерадько устроился в оранжерею Бельтюкова.

Серафима Оскаровна проработала у Бельтюкова более 25 лет домоправительницей и пользовалась доверием и уважением хозяина.

Осип Михайлович, человек одинокий и изувеченный, был бесконечно ей благодарен.

Он никогда не покидал усадьбу миллиардера. Почти все время он проводил в оранжерее или в своей небольшой комнате во флигеле.

Иногда прогуливался в саду или ходил в гости к своей родственнице, которая жила здесь же, но только в самом доме хозяина.

Со своим непосредственным молодым начальником Захаром Борисовым Осип Михайлович превосходно ладил, но на предложение Борисова называть его просто Захаром ответил решительным отказом. Тот пожал плечами и стал величать старика Осипом Михайловичем.

Зимним садом Захар предпочитал заниматься сам. И не только потому, что не хотел никому доверять свое детище, но и оттого, что здесь никто не мешал ему оставаться наедине с собой.

Этим утром он, как всегда, был в саду, занимался неотложными делами и любовался живой роскошью природы, созданной его руками.

Когда он подошел к окну во время короткого перерыва, то увидел, как из дома выпорхнула дочь хозяина – двадцатипятилетняя Евгения. Она легкой походкой направилась к лимузину, который уже вывел из гаража водитель Глеб Земской.

Глеб был всего на год старше Захара, и они неплохо ладили, играя по вечерам в шахматы или выпивая пару кружек пива в местном баре.

Вчера Глеб обронил, что утром повезет Евгению в город, у хозяйской дочери была назначена большая экскурсия по бутикам и прочим магазинам. Скорее всего к ней присоединится и Вера Максимовна Артамонова, которая уже несколько лет проживала со своим мужем в доме Бельтюкова.

Артамоновы считали Валентина Гавриловича своим родственником.

Хотя, на взгляд Захара, родство это было весьма сомнительным.

Посудите сами: муж Веры Василий Афанасьевич Артамонов был вторым мужем покойной сестры Бельтюкова и отчимом его родного племянника Мирона Ильича Порошенкова, который тоже жил в доме дяди чуть ли не с подросткового возраста.

Кроме того, в доме проживал и двоюродный брат хозяина Филипп Яковлевич Бельтюков – кадровый офицер в отставке.

Захар не ошибся, вскоре он увидел, как из дома вышла Артамонова и тоже уселась в автомобиль.

Мгновение спустя лимузин выехал за ворота.

Борисов же вернулся к прерванной коротким отдыхом работе и так увлекся, что не заметил, как пролетело время.

В мир реальности его вернул телефонный звонок.

Он вытер руки, достал сотовый и проговорил:

– Алло.

– Время обедать. Ты где застрял? – донесся до него голос повара Роберто Чилини.

Роберто говорил с небольшим акцентом. Он уже давно жил в России и не собирался возвращаться в Италию, откуда его сманил в свое время Бельтюков.

– Извини, Роберто, – проговорил Захар, – дай мне еще полчаса.

– Мне что, – проворчал Чилини, – но народ собрался, буду подавать на стол.

– Я сейчас, уже иду.

– Ты где?

– В зимнем саду.

– Счастливцев, – выдохнул Роберто.

Зимний сад в какой-то мере напоминал ему его солнечную родину, и он был благодарен хозяину за то, что тот позволял время от времени бывать в нем своей обслуге, конечно, под присмотром Захара, чтобы, не дай бог, не нанесли саду какого-либо урона.

* * *

В это время в хозяйской столовой обед был почти завершен. Все разношерстное семейство находилось в благостном настроении и охотно предавалось общению.

Тон задавала дочь хозяина поместья Евгения Валентиновна Бельтюкова.

Она вернулась из магазина в приподнятом настроении и на обеде была особенно весела.

Взгляды всех родственников невольно устремлялись к девушке.

Она была довольно красива. Синие глаза окаймляли темные ресницы, которые не нуждались в туши, брови были изогнуты дугами, маленький курносый носик не портил овальное лицо. А грива пепельных волос придавала Евгении легкое сходство со сказочной красавицей Мальвиной.

Характер Евгении не доставлял окружающим особых забот, хотя в широко распахнутых глазах всегда читалась жажда. Жажда новых впечатлений, любви, нарядов и всего прочего, что можно было купить на деньги отца или завоевать собственной внешностью.

Для Валентина Гавриловича Бельтюкова дочь была утешением, надеждой, пупом земли и центром вселенной. То есть всем тем, вокруг чего вращалась его жизнь после кончины жены. Даже свой бизнес он пестовал и расширял исключительно ради благополучия дочери.

Его личные амбиции и так уже были удовлетворены с лихвой.

Дядя Евгении Филипп Яковлевич Бельтюков – двоюродный брат ее отца – тоже обожал племянницу. Своих детей у него не было.

Племяннику Бельтюковых, сыну их сестры Мирону Ильичу Порошкову обожания доставалось меньше. Возможно, потому, что он был мальчиком, и с него, с точки зрения братьев Бельтюковых, следовало спрашивать больше.

Но материально он был обеспечен родным дядей не хуже Евгении.

К сестре Мирон относился с легкой снисходительностью старшего брата, хотя Евгения была моложе всего на два года.

На все ее попытки время от времени помыкать им Мирон отвечал ироничной улыбкой.

Василий Афанасьевич Артамонов – отчим Мирона – был человеком степенным и слегка суховатым.

Однако было заметно, что он благоволил пасынку и при любом спорном случае занимал его сторону.

Евгении он, конечно, демонстрировал полное обожание и умилялся любимыми ее выходками, начиная с раннего детства и заканчивая сегодняшним днем.

Свою вторую жену, Веру Максимовну Артамонову, он любил искренне и верно.

Да и как ее не любить, если она моложе его на 15 лет, хороша собой, всегда ухожена и внимательна к нему.

Вера же Максимовна относилась к Евгении не столько как тетка, сколько как старшая подруга.

Почти членом семьи считалась и домоправительница Серафима Оскаровна Нерадько, на глазах и отчасти на руках которой выросла Евгения, а затем и поселившийся в доме дяди Мирон.

Серафима Оскаровна не делала различий между детьми, была в меру строга и справедлива.

К тому же у нее была собственная дочь Инна, которую она растила одна.

И только щедрая помощь хозяина помогла Нерадько дать Инне все необходимое, в том числе хорошее образование.

В настоящее время Инна проводила отпуск подле матери в доме Бельтюкова.

Правда, обедать Инна предпочитала вдвоем с матерью. За хозяйский стол ее никто не приглашал, а есть вместе с обслугой она считала ниже своего достоинства. А так как Инна не умела или не хотела скрывать свои чувства, то и служащие Бельтюкова относились к ней сдержанно. От демонстрации неприязни большинство из них удерживало только нежелание ссориться с Серафимой Оскаровной.

Но в часы досуга, когда домоправительница их не видела и не слышала, люди не отказывали себе в удовольствии и охотно перемывали кости Инне, говоря с усмешкой, что, выбравшись из грязи в князи, девчонка задрала нос.

Инна же, игнорируя обслугу, не спускала глаз с Евгении...

Чего скрывать, она завидовала дочери хозяина. Инна считала себя ничем не хуже ее.

Она и впрямь имела отдаленное сходство с Евгенией, его можно было заметить, пристально присмотревшись к обеим девушкам.

Глаза, ресницы, губы...

Вот только нос у Инны был толстоват, из-за чего в детстве мальчишки дразнили ее уткой.

И пышные волосы были, как у матери, каштанового цвета с солнечным отливом.

Во время обеда Инна специально прошла мимо столовой, где собралось все семейство. Двери были приоткрыты, и девушка хорошо слышала смех и голоса. Она даже успела разобрать несколько реплик.

Оказывается, Евгения намеревалась часа через полтора после обеда устроить так называемый импровизированный показ мод. Естественно, она собиралась быть на этом празднике жизни единственной моделью. Демонстрировать она хотела наряды и украшения, которые купила для себя сегодня во время поездки в город.

Услышав это, Инна презрительно фыркнула и ушла к себе.

Она легла на кровать, уткнулась лицом в подушку и горько заплакала.

Именно за этим занятием и застала ее мать.

Серафима Оскаровна и сама догадывалась о причине дочерних переживаний, но все-таки принялась выпрашивать, что же случилось.

На что Инна зло ответила, что матери следовало бы хорошо подумать, от кого рожать детей.

– Инна! – не выдержала Нерадько старшая. – Тебе грех жаловаться! У тебя есть все, о чем другие девушки могут только мечтать!

– Как у Евгении?! – выкрикнула дочь.

– Вместо того чтобы равняться на Евгению, посмотри на девушек в городе. Каждая из них прокладывает себе путь, не надеясь на родителей.

– Откуда ты знаешь?!

– Догадываюсь.

– Я не хочу жить так, как они!

– Инна, у тебя – прекрасное образование, тебя устроили на хорошую работу, ты зарабатываешь столько, сколько другим девушкам и не снилось.

Дочь перестала плакать, но гримаса обиды на судьбу так и застыла на ее хорошеньком личике.

– Инна, иди умойся. Может, тебе выйти прогуляться? В саду, несмотря на осень, красиво, и погода стоит комфортная. Мороз почти не ощущается, светит солнце.

Дочь хотела огрызнуться, но передумала.

– Хорошо, поем и пойду прогуляюсь, – ответила она неохотно.

– Вот и хорошо, – облегченно вздохнула мать.

* * *

Мирон Порошенков тоже решил прогуляться после обеда.

Перед началом показа Евгения должна была позвонить вниз горничной Кларе, а той, в свою очередь, предстояло трижды ударить в гонг.

Мирона сместили все эти девичьи забавы, но, чтобы не потерять расположения дяди, он предпочитал потакать двоюродной сестре.

Итак, у него в запасе – полтора часа. Но если даже Евгения решит собрать их раньше срока, что весьма сомнительно, он услышит удары гонга в саду и сразу поднимется вверх.

Мокрые серые дорожки успело подсушить скупое на тепло ноябрьское солнце. Оно плыло по небу, освещая нежную синеву легкой позолотой, время от времени скрываясь то за одним, то за другим пушистым облачком.

На скамейке лежал одинокий кленовый лист, издали напоминающий перо жар-птицы.

Мирон подумал, что жар-птицей вполне можно назвать улетевшее лето...

Хотя нет, лучше – осень, ведь это именно она окрасила листья в оранжевые, желтые и золотистые тона, и она же обронила этот лист...

Мирон любовался осенним садом, улыбка то и дело появлялась на его губах, но мысли его были совсем в другом месте...

Поэтому он вздрогнул от неожиданности, услышав голос Инны.

– Привет, – сказала она.

– Привет, – отозвался он и спросил, кивнув на сад, – правда, красиво?

– Еще как, – отозвалась она, – напоминает покинутое гнездо.

– Ты сегодня не в духе? – улыбнулся он.

– А ты?

Он пожал плечами.

В прошлом году у Мирона случился с Инной кратковременный роман. Если уж быть до конца откровенным, то она соблазнила его.

Он позволил себе увлечься девушкой, не рассчитывая ни на что, кроме приятной интрижки. Но вскоре понял, что у Инны на него далеко идущие планы.

Мирон откровенно струсил и поспешил закончить их отношения.

Инна особо не протестовала, но в глубине души не простила Мирону его поступка, называя парня про себя не иначе как предателем.

При всем при этом сама она вовсе не была в него влюблена.

Сети же на него расставляла исключительно в надежде на то, что, женившись на ней, Мирон поделится с Инной завещанным ему дядей, по словам матери, богатством.

Но Мирон с крючка сорвался, и этого Инна простить ему не могла.

Мало того, приехав к матери в этом году, она узнала, что у Мирона появилась невеста – дочь весьма состоятельных родителей.

В какой-то мере девушку успокаивало то, что Мирон скорее всего невесту свою не любит, ибо она была ему сосватана дядей...

Говорить Инне с Мироном было не о чем, и она, пожав плечами, прошла по дорожке дальше, направляясь в глубину сада, туда, где стоял умолкнувший до весны фонтан.

Его чаша была усыпана разноцветной листвой, напоминавшей уснувших рыбок, до которых теперь никому не было дела.

Инна смотрела на фонтан и думала: вот бы у нее была золотая рыбка, способная выполнить хотя бы одно желание...

Налетевший ветер зашуршал листьями и, показалось, спросил:

– И чего бы ты пожелала?

Инна его не слышала, она думала о своем: вот если бы не было Евгении...

– Ты загадала свое желание, – захохотал некто невидимый прямо над ее ухом.

Инна замотала головой, отгоняя морок, подняла лист, который лежал к ней ближе всего, взвесила его на ладони. Сухой, невесомый...

Через миг, подхваченный порывом ветра, он был унесен прочь и брошен в кучу других таких же листьев.

Инна подумала, что погода начинает портиться, и поспешила в дом.

Мирон же, не дождавшись звука гонга в саду, вернулся в гостиную и застал там семейство в полном составе, за исключением Евгении.

– Что-то долго она нас не зовет, – проговорил Филипп Яковлевич.

– Женщины, что вы хотите, – пожал плечами Василий Афанасьевич.

– Не иначе как Женечка хочет поразить нас своими нарядами, – добродушно засмеялся Валентин Гаврилович.

– Скорее всего Женя просто обдумывает порядок представления моделей, – заметила Вера Максимовна.

– Тебе, как женщине, конечно, виднее, – согласился с женой Артамонов.

Прошло еще полчаса, во время которых присутствующие обменялись всего лишь несколькими, ничего не значащими фразами.

По лицам было заметно, что ждать уже всем надоело.

– Странно, что она так задерживается, – проговорил Мирон.

– Женщины всегда заставляют нас ждать, – пожал плечами Филипп Яковлевич.

– И тем не менее...

– Может, стоит ее поторопить?

– Вера, пойди посмотри, – предложил Валентин Гаврилович.

– Да, действительно, сходи, поторопи Женечку, – поддержал его супруг Веры Максимовны.

– Нет уж, я одна не пойду, – возразила женщина, – накричит еще опять на меня, как сегодня в магазине.

– Она не со зла, – вступился за дочь отец.

– Все равно неприятно, – тихо отозвалась Артамонова.

– Ладно, подождем еще немного, – проговорил Мирон.

Время почему-то тянулось очень медленно, и взгляды собравшихся все чаще устремлялись к стоящим в гостиной антикварным часам.

Прошло еще минут тридцать.

– Вы как хотите, – сказал Филипп Яковлевич, – но я ждать устал.

– Действительно, всему есть предел, – согласился с ним Артамонов.

– Может быть, мы неправильно поняли Женю и она нас уже ждет наверху? – предположил обескураженный отец Евгении.

– Но как же гонг? – спросила Вера.

– Может, Клара что-то перепутала?

– Сейчас я ее позову, – сказал Мирон и отправился за горничной.

Вошедшая вместе с ним в гостиную горничная выглядела растерянной.

– Я и сама ничего не пойму, – сказала девушка, – жду, жду, а телефон молчит. Может, Евгения Валентиновна заснула?

– Что ты такое говоришь! – зашипели на нее со всех сторон.

– А что, такое вполне возможно, если долго перебираешь наряды, – стала оправдываться горничная.

– Иди, поднимись и посмотри, что она делает! – велел ей хозяин.

Мирон посмотрел на испуганное лицо горничной и сказал:

– Я думаю, что нам лучше самим подняться.

– Всем, что ли? – фыркнул дядя.

– Вот именно, что всем, – проговорил Мирон, – мы же все должны присутствовать на показе.

– К тому же на всех Женя кричать не будет, – согласилась с ним Вера и покосилась на хозяина дома.

– Ладно, – сказал он, поднимаясь из кресла, – все так все, идемте.

– А я? – спросила Клара.

– И ты, – повернул голову в ее сторону Валентин Гаврилович, – Жене наверняка понадобится твоя помощь при смене нарядов.

Все вышли из гостиной и направились вверх по лестнице.

Клара, чуть замедлив шаг, поплелась позади всех.

Глава 2

Комнаты Евгении располагались на втором этаже по правую сторону.

За дверью с левой стороны располагались спальня хозяина дома, его кабинет и библиотека, а дальше – две комнаты любимого племянника Мирона.

Открыв дверь в половину дочери, Валентин Гаврилович остановился.

– Что-то сердце покалывает, – пожаловался он.

– Может, вам, дядя, посидеть немного или прилечь? – заботливо проговорил Мирон.

– Нет, нет, – поспешно возразил Бельтюков, – ерунда, сейчас все пройдет. – И он решительно направился дальше.

Все остальные поспешили за ним.

В «девичьей гостиной», как ее называли в доме, на разных поверхностях были разложены всевозможные платья, блузки, юбки, брюки и прочие дамские принадлежности. Но самой хозяйки там не было.

Вера Артамонова, внимательно оглядев всю эту роскошь, всплеснула руками и проговорила:

– Вероятно, Женечка передевается в спальне, я не вижу здесь шелкового брючного костюма кофейного цвета.

– Ты что, запомнила всю эту прорву барахла? – недоверчиво спросил Филипп Яковлевич.

Вера одарила его снисходительным взглядом и, не проронив ни слова в ответ, пожала плечами.

– Женщины легко все это запоминают, – с улыбкой заметил Василий Афанасьевич, – вы не поверите, Вера помнит все, что надевала во время нашего медового месяца.

– Я тоже помню, – заверил присутствующих Филипп Яковлевич.

– Что ты помнишь, Филиппушка? – не понял его брат.

– Помню, что именно было надето на мне во время моего медового месяца.

– И что же? – не удержался Мирон.

– Я в то время был молодым старшим лейтенантом и с гордостью носил выданное мне обмундирование, – ответил Филипп Яковлевич.

– Не снимая? – поддел племянник.

– Почему не снимая, снимал на ночь и когда шел в баню.

Все невольно улыбнулись.

Валентин Гаврилович постучал в комнату дочери, потом позвал ее:

– Женечка, мы уже заждались. Нехорошо заставлять нас ждать так долго.

Но дочь не отозвалась.

Тогда отец открыл дверь и остолбенел. Его Женя, его свет в окошке и радость всей жизни, лежала на смятой постели в разодранном домашнем платье с выпученными глазами и вывалившимся языком. Вокруг ее шеи смертоносной змеей обвивался черный капроновый чулок.

Все остальное семейство в ужасе застыло за его спиной и очнулось только тогда, когда хозяин дома рухнул на пол.

Кое-кто из родственников хотел войти в спальню, но племянник замахал руками:

– Не ходите туда никто! Мы так все следы затопчем, трогать ничего нельзя!

– Он прав, – пробормотал Филипп Яковлевич.

– Поднимайте его скорее! – закричал Мирон, указывая на беспомощно распластавшегося дядю.

– По-моему, его нельзя трогать, – всхлипнула Вера, прижимая обе руки ко рту.

Но ее муж и Филипп Яковлевич уже подняли хозяина дома с пола и понесли.

– Ой, – всхлипнула испуганная Клара, – там же все завалено одеждой.

– Да, – вклинился племянник, – несите дядю не в Женину гостиную, а в его, положите на диван, я вызову «Скорую». Вера, что ты стоишь? Иди открывай двери в дядину половину, Клара, беги вниз, скажи парням, чтобы проверили, закрыты ли ворота, и осмотрели участок. Пусть обойдут весь сад!

Все безмолвно подчинились его указаниям.

Мирон посмотрел вслед уходящим и, достав сотовый, вызвал «Скорую» и полицию. Потом, тяжело вздохнув, поспешил вернуться в спальню двоюродной сестры.

К приезду «Скорой» и полиции дом напоминал растревоженный улей диких пчел.

Возле ворот машины встретил Филипп Яковлевич Бельтюков.

Мужская часть прислуги рыскала по огромному участку Бельтюковых в поисках посторонних. За исключением повара, который заявил, что ужин готовить все равно надо, и остался на кухне.

К обыскивающим участок присоединился и Василий Афанасьевич Артамонов.

Жена его Вера стояла возле крыльца и комкала в руках шаль, которую сначала хотела накинуть на плечи, но потом забыла о своем намерении и впала в отчаяние, думая о том, что их комфортная жизнь, должно быть, закончилась.

Клара рыдала в своей комнате, куда пришла и Инна, пытавшаяся узнать у девушки, что же именно произошло на втором этаже. Но из ее обрывочных ответов она так и не смогла составить цельную картину.

Серафима Оскаровна Нерадько, узнав о случившемся, сразу отправилась на второй этаж к хозяину. Мирон сначала попытался воспрепятствовать домоправительнице, но потом махнул рукой, и теперь женщина сидела на стуле рядом с диваном, держала Валентина Гавриловича за руку и не сводила с него глаз, из которых текли слезы. Время от времени она вытирала их тыльной стороной полной руки.

Первой приехала «Скорая».

Филипп Яковлевич крикнул от ворот:

– Вера, проводи!

И Артамонова повела врачей на второй этаж.

Доктор посмотрел на Евгению, безнадежно махнул рукой и поспешил за Верой к лежавшему в своей гостиной Бельтюкову.

Мужчина был без сознания, но пульс слабо прослушивался.

Было решено везти его в больницу.

Валентина Гавриловича погрузили на носилки и со всеми предосторожностями понесли вниз.

Машину «Скорой» подогнали к самому крыльцу и загрузили в нее миллиардера.

Никто из перепуганных родственников не требовал поместить его в самую лучшую больницу.

Только племянник заикнулся об отдельной палате, сказав, что все будет оплачено.

Врач что-то буркнул про реанимацию и уже собрался сесть в машину, как подъехала полиция, и подбежавший молодой следователь притормозил его.

Но доктор кивнул на родственников и сказал:

– Они все объяснят, а у меня – тяжелый пациент.

Дверь кабины за ним в мгновение ока закрылась, и «Скорая» с печальным воем выехала за ворота.

Вернувшаяся с осмотра участка обслуга сбилась в кучу.

На все вопросы следователя растерянные мужчины лишь пожимали плечами и качали головой.

– Я все сейчас вам объясню, – сказал подошедший Артамонов, – а они не присутствовали при случившемся.

– Понятно, – сказал следователь и, взяв Артамонова под руку, отвел его в сторону, – излагайте.

К ним присоединился Филипп Яковлевич.

– Вы кто? – спросил следователь.

– Брат хозяина дома.

– Вы присутствовали?..

– Да, – перебил его Артамонов и стал рассказывать, что произошло за последнее время.

Филипп Яковлевич печально кивал, подтверждая правдивость рассказа Василия Афанасьевича.

Полиция произвела опрос свидетелей – сначала родственников Бельтюковых, а затем и обслуги.

Из служащих никто, кроме горничной Клары, не поднимался наверх и не видел задушенной дочери хозяина.

Посторонних при обыске сада обнаружено не было. Ворота были закрыты.

В дом, по утверждению всех в нем находившихся, чужой незаметно войти не мог.

Однако под окном спальни Евгении были обнаружены на клумбе свежие следы.

Полиция выяснила, что они 44-го размера. Никто из живущих в доме мужчин обувь такого размера не носил.

Мирон привлек внимание полиции к тому, что одно из окон спальни погибшей было приоткрыто.

Плети обвивающего дом плюща были повреждены в некоторых местах. Создавалось впечатление, что кто-то поднимался по плющу в комнату жертвы.

На крыше была закреплена веревочная лестница, с которой эксперт смог тщательно исследовать плющ. Ему удалось обнаружить несколько волокон, предположительно с одежды человека, использовавшего плети плюща для подъема наверх, и пару светлых волосков.

Все это было отправлено затем в лабораторию.

Племянник Бельтюкова нехотя сообщил, что у его сестры был роман с Адамом Верещаком, артистом цирка. Но дядя величал Адама не иначе как прощельгой и охотником за наследством. В доме Адаму было появляться запрещено, но какое-то время влюбленные встречались тайно.

Потом некто неизвестный донес Бельтюкову, что его дочь проводит с циркачом ночи в отелях. Валентин Гаврилович был вне себя от гнева.

Отец имел с дочерью крупный разговор за закрытыми дверьми. Никто не знал, о чем они говорили, но Евгения рассталась с Адамом. Последний же пришел в бешенство и обещал отомстить. А у Евгении вскоре состоялась помолвка с Репьевым Марком Анатольевичем.

Остальные родственники, повздохав, подтвердили сказанное Порошенковым.

На вопрос следователя, когда планировали сыграть свадьбу, Мирон замялся и растерянно заморгал.

Вклинилась Вера Артамонова и пояснила, что помолвка была расторгнута.

Кем именно, когда и по каким причинам, никто из присутствующих не знал или не пожелал посвящать следствие в дела, по их мнению, сугубо семейные.

Адреса несостоявшегося жениха следователю также не назвали, зато сказали, что Марк – сын Анатолия Константиновича Репьева, владельца банка «Гера» и сети обувных магазинов «Стойкий башмачок».

На этом опрос свидетелей был завершен, и стражи порядка покинули дом, оставив родню миллиардера и обслугу в полном смятении.

Дело об убийстве дочери миллиардера было передано следователю по особо важным делам Александру Романовичу Наполеонову.

Непосредственный начальник Наполеонова отзывался о нем словами народной поговорки: «Мал золотник, да дорог».

Похвастаться ростом Александр Романович и впрямь не мог.

А что касается всего остального, то, как говорится, начальству виднее...

Наполеонов очень любил фильмы гениального советского режиссера Эльдара Рязанова и искренне уважал его за талант и жизненную стойкость, но он ни за что на свете не согласился бы, что у природы нет плохой погоды.

Есть! Иногда не просто плохая, а даже отвратительная! Вот, например, сегодня. За окном с ночи, не переставая, хлестал ледяной дождь.

В углу кабинета сушился зонт следователя. Всего-то и надо было пробежать несколько шагов от автомобиля до крыльца здания, а зонт залило водой так, словно Наполеонов гулял под тропическим ливнем.

И, судя по всему, дождь намерен был омрачать настроение Наполеонова еще долго...

Вздыхнув, следователь отвернулся от окна и углубился в материалы дела.

Глава 3

В гостиной дома частного детектива Мирославы Волгиной горел камин. Тихо потрескивали дрова, танцевало свой вечный танец оранжевое пламя...

В доме не было холодно, камин разожгли для уюта и хорошего настроения.

В гостиной сидели трое – сама Мирослава Волгина, ее секретарь и с недавнего времени незаменимый помощник Морис Миндаугас и его кошачье величество пушистый черный кот Дон.

Кот дремал, время от времени приоткрывая то один, то другой янтарный глаз.

Мирослава листала сборник стихов своей тетки Викторией Волгиной «Осенние этюды».

Вообще-то Виктория была прозаиком, но иногда писала стихи, и издатели сами предложили ей выпустить небольшой сборник осенних стихов.

Книжка была прекрасно иллюстрирована местной художницей Лидией Заречной, с которой Мирослава и Морис познакомились, расследуя одно из дел. Хотя могли бы познакомиться и раньше – Заречная работала с Викторией не один год, просто с ее племянницей до этого не пересекалась.

Морис же был просто погружен в свои мысли.

Он ничего не имел против дождя...

Ему нравилось сидеть в гостиной в компании хозяйки дома и ее кота...

Под рукой Мирославы прошелестела страница, и Миндаугас вздохнул. С Мирославой ему было и хорошо, и сложно одновременно.

Он часто вспоминал, как решил поехать в Россию к другу.

Многие друзья и знакомые не понимали его. Зачем литовцу ехать в Россию?! Тем более после распада Союза?

Он должен быть сумасшедшим!

...Или романтиком...

Для себя Морис выбирал второе.

Миндаугас нежно погладил густую шелковистую шерсть кота.

Мурлыканье Дона по громкости и интенсивности напоминало воркованье голубя.

Кот щурил свои яркие янтарные глаза и терся пушистой щекой о плечо Мориса.

Под холодной внешностью Миндаугаса скрывалась пылкая душа.

Но вряд ли кто-нибудь, кроме Дона, догадывался об этом.

Может быть, Мирослава? Но она не раз подчеркивала, что ценит в нем пронизательный ум и... хладнокровие...

Из раздумий его вывел телефонный звонок.

Он снял трубку:

– Детективное агентство «Мирослава» слушает.

Послушав собеседника с минуту, он передал трубку Мирославе:

– Ваша тетя...

Мирослава взяла трубку:

– Да, привет, тетя!

Пауза. Потом Мирослава переспросила:

– В воскресенье? Хорошо. Да, постараюсь привезти обоих. – Мирослава с улыбкой покосилась на Мориса.

Еще после нескольких «да», «хорошо», «угу» она попрощалась с теткой и положила трубку:

– Тетя приглашает нас в воскресенье на Синичник.

– Синичник? – удивился Морис.

- Да, 12 ноября отмечается.
- Но в воскресенье не 12-е, – рассеянно проговорил он.
- Ну и что, – пожала плечами Мирослава.

Миндаугас не стал спорить, потому что понимал, что это бесполезно. На всякий случай он решил выяснить, что это за праздник такой – Синичник, и попросил Волгину объяснить ему.

- Синичник – это Синичкин день.
- Птицы?

– Ну, да. Считается, что в этот день птицы, которые остаются зимовать в наших краях, перебираются поближе к людям. В старину даже верили, что в этот день синицы собираются стаями и весело щебечут, отмечая свой праздник. На Руси издавна существует традиция развешивать кормушки для синиц и других птичек.

- Не только на Руси, – заметил Морис.
- Ну, да, – согласилась Мирослава.

Она помолчала, а потом добавила:

– Еще в этот день отмечают день Зиновия Синичкина, был такой епископ-чудотворец, жил, кажется, в III веке нашей эры.

- Понятно, – сказал Морис.
- Так ты не против того, чтобы пойти к тете Вике в гости?
- Почему я должен быть против? – повел плечами Миндаугас.

На самом деле он симпатизировал Виктории Волгиной. С его точки зрения, она была весьма своеобразным и интересным человеком. Нравился ему и молодой муж Виктории Игорь. Он был на 16 лет моложе супруги, жену свою обожал и буквально сдувал с нее пылинки.

Разница же в возрасте с Мирославой и Морисом у него была всего три года.

При этом Мирослава умудрялась величать мужа тетки дядюшкой...

Морис, естественно, называл его по имени.

- Хочешь, я прочитаю тебе одно тетино стихотворение, как раз к сегодняшней погоде?
- Хочу.
- Тогда слушай:

Хуже нет такой погоды!
Где мне взять бокал вина?!
Выпить, что ли, и нашкодить?!
Но ведь я и так пьяна
От дождя, что льет нахально
Слезы за моим окном!
Это просто аморально
Плакать ночью! Плакать днем!
Я хочу сухой погоды!
Дождь-зануда! Уходи!
Ты у матери-природы
Обрыдался на груди!
От тебя, как и от фальши,
Срочно нужно отдохнуть!
Шел бы, дождик, ты подальше!
Скатертью дорожка путь!

Неожиданно небо за окном посветлело.

- О! – воскликнул Морис. – Кажется, дождь внял просьбе Виктории.
- Они переглянулись и рассмеялись.

– Почему бы нам не выйти в сад? – спросил Морис.

– Нет, – покачала головой Мирослава, – я, пожалуй, еще почитаю.

Она забралась с ногами на диван, Дон устроился у нее под боком.

– Ну, что ж. – Морис пожал плечами и отправился на прогулку один.

Под открытым небом, конечно, было сыро, но сад весь сиял, словно выглянувшее из-за туч солнце накрыло его невидимым для человеческого глаза колпаком из дрожащих крылышек стрекоз.

Кормушки для птиц в саду они с Шурой развесили давно, не дожидаясь Синичника.

Каждое утро Морис насыпал туда семечки, хлебные крошки, гречневую крупу, подвешивал на ветках кусочки сала.

Синица – птица подвижная, минуты не посидит на месте спокойно, постоянно прыгает, снует по веткам деревьев, вертится, выделявая немыслимые акробатические номера: то повиснет вниз головой, то перевернется на ветке животом вверх.

Вероятно, поэтому много тратит энергии и постоянно ест.

Оттого и корм в кормушки подсыпали несколько раз в течение дня – это делали и Морис, и Мирослава.

И теперь, едва проглянуло солнце, яркие желтогрудые птички тут как тут: порхают, скачут, тинькают.

Морис невольно залюбовался одной из них, бегающей по щербатому стволу.

Раздвоенный ствол старого дерева рельефно выделялся на фоне синего неба. Украшением ему служили два случайно удержавшихся листа, похожие на две искрящихся звезды.

А сыплющиеся с небес в просветы ветвей разноцветные блики превращались в невесомые монетки голубого, желтого, оранжевого, коричневого, серебряного и бледно-золотистого цветов.

Морис замер на месте, любуясь этой мимолетной красотой.

Странно, что немногие замечают и ценят такое богатство...

Отчего?

Может быть, оттого, что хранить его можно только в душе?..

Ни в сундук, ни в банковскую ячейку не запрядешь...

Но жаль тех, кто забывает, что при появлении человека на свет все его богатство заключалось в душе.

И уходим мы тоже только с тем, что в душе.

За время пребывания в этом мире одни приумножают свое богатство, а другие растрачивают все до последней капли.

И нередко случается так, что мультимиллионер на земле оказывается нищим на небесах, а мудрец, стороживший чужие огороды, становится богачом, готовым поделиться своей мудростью и добротой со всеми, кто его окружает...

Налетевший ветер качнул ветку, и с нее упала маленькая дождевая капля.

Чмок, – коснулась она щеки Мориса прохладным влажным поцелуем осени, собравшейся уже уходить.

И он улыбнулся, наслаждаясь чарующим сочетанием грусти и радости, которое способна подарить только осень...

– Мяв! – призывно донеслось с крыльца.

Морис повернул голову и увидел Дона, недовольно переступающего с лапы на лапу...

Миндаугас догадался, что кот проголодался и зовет его в дом.

– Иду, иду, – улыбнулся он.

Ближе к вечеру раздался еще один телефонный звонок...

– Детективное агентство «Мирослава» слушает.

– Привет, это ты, Морис? – загудела добродушно трубка.

– Я, – отозвался Миндаугас, уже узнав по голосу звонившего. Это был не последний по значимости в городе человек – бизнесмен Владимир Константинович Драпецкий.

– Мне бы Мирославу по срочному делу. Она далеко?

– Нет, рядом, – ответил Морис и, обернувшись к Волгиной, проговорил: – Вас Владимир Константинович Драпецкий.

Мирослава взяла трубку:

– Да?

Владимир Константинович Драпецкий когда-то нажил свой капитал тем же небогоугодным способом, что и многие другие. Но потом вдруг стал человеком совестливым и набожным.

Хотя справедливости ради надо признать, что случилось это вовсе не вдруг, а после того, как похитили его любимую племянницу, дочь его погибшего старшего брата.

Для Драпецкого девочка была самым дорогим на свете существом, и, если бы пришлось выбирать между всем его богатством и жизнью ребенка, он, не задумываясь, выбрал бы второе.

Но гарантии того, что, получив выкуп, похитители отпустят заложницу целой и невредимой, никто Драпецкому дать не мог.

И тогда один из его друзей посоветовал ему обратиться за помощью к частному детективу Мирославе Волгиной.

Владимир Константинович ухватился за эту возможность обеими руками, но, увидев Мирославу воочию, был разочарован – она показалась ему слишком юной. Откуда же у нее опыт и смекалка, думал он, глядя на девушку недоверчиво и понуро.

Но все-таки он решился.

Девочку держали в подвале без еды и воды уже три дня.

Волгиной каким-то невероятным образом удалось вычислить место, где содержали заложницу. Однако Мирослава поставила условие: люди Драпецкого придут на место вместе с полицией.

Владимир Константинович был готов на все. Дело тогда было завершено без кровавых разборок.

Исполнители, перепуганные видом Драпецкого, выдали заказчиков. И те, и другие были совсем не против длительного заключения, так как оставаться на свободе стало для них опасно. Никто из них не сомневался в неотвратимости жестокой мести со стороны бизнесмена.

Мирославе Владимир Константинович заплатил гораздо больше, чем она запросила. И плюс к этому публично признал себя ее вечным должником.

Волгина поначалу сторонилась Драпецкого.

Сумму же, полученную сверх оговоренного гонорара, отдала в благотворительный фонд.

Но по мере того как полукриминальный бизнесмен перерождался в порядочного совестливого человека, изменялись и его отношения с Мирославой.

Постепенно они даже стали напоминать приятельские...

– Я чего звоню-то, – вздохнул на другом конце провода после взаимных приветствий Драпецкий, – хочу попросить вас о помощи.

– Что случилось, Владимир Константинович? – встревожилась Мирослава.

– У меня лично ничего, слава богу... – Он замолчал.

Мирослава не собиралась прерывать его паузу.

– Славочка, – заговорил он, – я просил вас называть меня по имени.

– Помню, – вздохнула она, – извините, Володя.

– Так-то лучше...

– Но вы ведь позвонили вовсе не затем, чтобы проверить меня, как я выполняю вашу просьбу?

– Какую просьбу? – удивился он.

– Называть вас по имени.

– Ах, это, конечно, нет...

Мирославе стало надоедать, что Драпецкий ходит вокруг да около. Это было так не похоже на него.

– Вы слышали об убийстве дочери Валентина Бельтюкова?

– М-м-м, – протянула она.

– Понятно, – хмыкнул он.

– Минуточку, – Мирослава прикрыла трубку рукой и обернулась к Морису: – Ты что-нибудь слышал об убийстве дочери Бельтюкова?

– Только то, что написали в газетах, – отозвался тот.

– А что там написали?

– Дочь миллиардера задушена в своей спальне черным чулком.

– И больше ничего?

– СМИ опубликовали тьму предположений. Пересказывать все?

– Нет, не надо.

– Куда вы пропали? – недовольно пророкотала трубка, когда Мирослава снова приблизилась к уху.

– Выясняла, что пишет об этом пресса.

– Могли бы спросить у меня, – проговорил обиженно Драпецкий.

– Приношу свои извинения, – улыбнулась Мирослава, зная, что бизнесмен не может видеть ее улыбки.

– Дочь Бельтюкова Женю задушил неизвестный преступник, сам Валентин попал в тяжелом состоянии в реанимацию, и неизвестно, выкарабкается ли он.

– Он ваш друг? – решила прояснить ситуацию Мирослава.

– Валя? В какой-то мере. Я хочу попросить вас расследовать это дело.

– Но... – попыталась возразить она.

Бизнесмен быстро перебил ее:

– Сейчас его ведет следователь Наполеонов, ведь вы знакомы, – хмыкнул Драпецкий, прекрасно зная, что Шура и Мирослава – друзья детства.

– Вы не доверяете полиции?

– Дело не в этом.

– А в чем?

– В том, что я доверяю вам!

– Хорошо, кто мне заплатит?

– Один очень хороший человек и близкий друг Валентина Гавриловича.

– У друга есть имя?

– Есть. Карина Викторовна Шумская.

Молчание...

– Я вас шокировал?

– Нет, с чего бы? Это та самая Шумская...

– Да, та самая.

– Они были просто друзья или их связывало нечто большее?

– Об этом вам расскажет сама Карина.

– Шумская тоже ваш друг?

– Что значит – тоже? Карина – мой очень близкий и давний друг.

– Понятно.

– Именно друг, – уточнил он решительно, – никаких любовных отношений с Кариной у нас никогда не было.

– Хорошо, пусть приезжает.

Шумская позвонила в агентство через пятнадцать минут и договорилась с Мирославой о встрече.

Либо она была рядом с Драпецким, когда он звонил Мирославе, либо Владимир, заручившись согласием детектива, сразу же перезвонил Карине.

Из чего Мирослава сделала вывод, что Шумская настроена решительно и для нее важно узнать истину.

Глава 4

Морис колдовал на кухне. Он аккуратно нарезал лимон, измельчил веточку мяты, добавил столовую ложку меда, залил все двумя литрами воды и принялся размешивать.

– Что это будет? – спросила Мирослава.

– Средство от инфекций и усталости.

– Интересно. Рецепт литовский?

– Нет, древнеегипетский.

– В смысле?

– В том смысле, что его автором считается великий зодчий пирамиды Джоссера – Имхотеп.

– И когда его можно будет пить?

– Скоро...

Эхо звонка прокатилось по всему дому.

– Клиент, кажется, прибыл, – вздохнула Мирослава, – вернее, клиентка.

Морис поставил кувшин с напитком на стол, прикрыл салфеткой.

– Я открою.

– Хорошо, а я поднимусь пока в кабинет.

– Точность – вежливость королей, – бросил он на ходу.

– Учитывая ее нефтяные активы, Шумскую вполне можно назвать королевой.

– Надеюсь, она расплатится с нами не черным золотом.

– На этот счет можешь не волноваться.

Морис спустился вниз, открыл автоматические ворота и, не спеша, направился по дорожке навстречу въезжающему «Хаммеру».

Автомобиль остановился. Когда Морис приблизился к нему, дверь салона распахнулась, и появилась высокая брюнетка в дорогих туфлях на среднем каблуке. На плечах дамы лежала меховая накидка.

– Карина Викторовна Шумская, – представилась она.

– Морис Миндаугас.

– Я договаривалась о встрече с Мирославой Волгиной, – произнесла она с легкой хрипотцой в голосе, смерив Миндаугаса оценивающим взглядом.

– Да, прошу вас, – произнес Морис, едва заметно улыбнувшись.

Идя по дорожке к дому, Шумская успела окинуть взглядом сад и подступающий к дому цветник.

По тому, как она одобрительно хмыкнула, Морис понял, что увиденное ей понравилось.

Он провел клиентку в приемную, постучал в дверь кабинета и распахнул ее перед Шумской.

Мирослава приподнялась и кивнула вошедшей, предлагая ей занять любое кресло.

Карина Викторовна выбрала кресло рядом с тем, в котором дремал или делал вид, что дремлет, пушистый черный кот.

Мирослава внимательно оглядела клиентку. Выглядела Шумская лет на тридцать, но Мирослава знала, что Карине Викторовне – за пятьдесят.

– Не будем терять время на обмен любезностями, – проговорила клиентка, в свою очередь оценивая детектива.

– Не будем, – согласилась Мирослава.

– Вы уже знаете, что убита Евгения Бельтюкова.

Мирослава кивнула.

– Ее отец Валентин Гаврилович Бельтюков был моим близким другом. И чтобы не возникало никаких вопросов впредь, скажу сразу – сердечным другом.

Если это признание и удивило Мирославу, то по ее лицу догадаться об этом было невозможно.

Шумская одобрительно кивнула и продолжила:

– Я заплачу вам любой гонорар, если вы отыщете убийцу Евгении.

– Не любой, – внесла уточнение Мирослава, – у нас – фиксированные расценки.

– Пусть так.

– Вы были знакомы со всем семейством Бельтюкова?

– Скажем так, я их всех знала, но близко не общалась. Мы с Валентином предпочитали не афишировать свои отношения.

– Почему?

– Из-за Евгении.

– Странно...

– Валентин без памяти любил свою дочь и не хотел ее травмировать.

Видя недоуменный взгляд детектива, Шумская пояснила:

– Валентин считал, что Евгения не примет появление в ее жизни мачехи.

– Даже такой, как вы?

– Такой, как я, особенно, – грустно улыбнулась Карина Викторовна.

– И вы встречались тайно?

– Можно сказать и так.

– Но рано или поздно...

– Мы встречались десять лет, и никто не догадывался, что у нас романтические отношения, – перебила ее Шумская.

– Хоть кто-то был в курсе?

– Двоюродный брат Валентина. Но на Филиппа Яковлевича можно было положиться. Он часто выручал нас, или, как теперь говорят, покрывал, – усмехнулась она, отводя темно-карие глаза и пытаясь таким образом скрыть от посторонних глаз плещущуюся в них горечь.

– Вы кого-то подозреваете? – спросила Мирослава.

Шумская покачала головой.

– У Валентина Гавриловича Бельтюкова есть враги?

– Убили не его, а Женю...

– Метить могли в него.

– Возможно, – проговорила с сомнением в голосе Карина Викторовна, – но я не знаю никого, кто желал бы ему или его дочери смерти.

– Конкуренты?

– Сейчас не 90-е годы прошлого века, вопросы в бизнесе решаются иначе.

– Не скажите, – не согласилась Мирослава.

Шумская пожала плечами, давая понять, что остается при своем мнении.

– От него могли захотеть избавиться родственники...

– Зачем?

– Из-за наследства.

– Там почти все было завещано Евгении.

– А если бы она скончалась раньше, чем вступит в права наследства?

– Думаю, что в таком случае Валентин просто переписал бы завещание...

Но чуткое ухо детектива расслышало в голосе Шумской едва уловимые нотки неуверенности.

– Карина Викторовна, а вы знакомы с завещанием Бельтюкова?

– Валентин пересказал мне его, но я не видела документ собственными глазами, если вы это имеете в виду, – голос клиентки прозвучал слегка раздраженно.

– Карина Викторовна, я задаю все свои вопросы не из любопытства.

– Я понимаю. Извините. Просто я...

– Да, конечно. Но тем не менее.

– Спрашивайте.

– А у самой Евгении были враги?

– Вряд ли, – с сомнением проговорила клиентка, – хотя недоброжелатели, конечно, имелись, и в избытке.

– Почему?

– Женя была девушкой балованной, все делала по-своему, редко считалась с мнением других.

– Вы знаете, кто мог быть особенно недовольным Евгенией?

– Возможно, ее жених...

– У нее есть жених?

– Бывший, – уточнила Шумская.

– Почему они расстались?

– Этого я не знаю. Могу только предполагать...

– И каковы ваши предположения?

– На браке с Марком Репьевым настаивал Валентин, а Жене парень явно был не по вкусу.

– У нее был другой?

– Был, но Валентин выступал против их отношений и сделал все, чтобы разлучить дочь с возлюбленным.

– Надо думать, что незадачливый поклонник был беден? – усмехнулась Мирослава.

– Вы правы.

– Кто он?

– Я...

– Карина Викторовна, ради бога! Вы хотите, чтобы я нашла убийцу?

– Да. Это Адам Сергеевич Верещак.

– Кто он?

– Циркач, – презрительно фыркнула клиентка.

– В смысле? – переспросила Мирослава.

– В прямом смысле, он работает в цирке, – недовольно проговорила клиентка.

– Кем?

– Какая разница?! – пожала плечами Шумская.

– Большая разница! – отрезала Мирослава.

– Кажется, акробатом...

– Теперь я хотела бы знать, кто, кроме отца и дочери, живет в доме Бельтюкова.

– О! – усмехнулась Карина Викторовна. – Валентин умудрился приютить под крышей своего дома целую кучу родственников.

– Назовите их.

– Это двоюродный брат Вали, о котором я уже упоминала, Филипп Яковлевич Бельтюков. Его племянник – сын родной сестры Валентина – Мирон Ильич Порошенков. Кроме них, отчим Мирона Василий Афанасьевич Артамонов со своей второй женой Верой Максимовной.

– Все?

– Еще обслуга. Но из них я знаю только домоправительницу Серафиму Оскаровну Нерадько и шофера Глеба Земского.

– А остальные?

– Остальным не имела чести быть представленной, – усмехнулась Шумская.

– Хорошо.

– Да, Валентин как-то похвастался, что повара он привез из самой Италии. Зовут его Роберто. И еще знаю, что у Нерадько есть дочь. Валентин принимал участие в ее судьбе.

– По какой причине?

– По той, что Серафима Оскаровна воспитывала ее одна.

– Ну и что?

Шумская пожала плечами:

– У порядочных людей принято помогать своим служащим, тем более что Нерадько работает в доме Валентина более двадцати пяти лет и никаких нареканий не имеет.

– Хорошо, – сказала Мирослава, – пока это все, что я хотела у вас спросить. Если появятся дополнительные вопросы, надеюсь, вы на них ответите?

– Да, вот моя визитка.

– Карина Викторовна, договор заполнит и даст вам на подпись мой секретарь Морис Миндаугас.

– Красивый парень, – проговорила Шумская.

Мирослава проигнорировала эту реплику, добавив:

– Аванс тоже вручите ему.

– С удовольствием, – усмехнулась клиентка и, не удержавшись, добавила: – Не боитесь, что уведут?

– Кого?

– Секретаря.

– Он не бычок на веревочке.

Шумская пристально взгляделась в бесстрастное лицо детектива и проговорила:

– Либо вы высокого мнения о достоинствах мужчин, либо непоколебимо уверены в себе.

– И то, и другое, – обронила Мирослава.

Клиентка кивнула, попрощалась и вышла в приемную, где ее уже поджидал Морис.

Вечером приехал Шура, он сидел на кухне и покорно пил врученный ему Морисом напиток Имхотепа.

Пару раз шмыгнув носом, спросил с надеждой:

– Думаешь, поможет?

– Конечно, – заверил его Миндаугас.

– Скверная погода, – пожаловался Наполеонов, – холод, дождь, сквозняки.

– Осень...

– Знаю, что осень. Но меня это не утешает. Лучше скажи, ужинать скоро будем?

– Скоро, сейчас достану из духовки филе индейки, тушеные овощи уже готовы.

– А пирожные?

– Сегодня рулет с маком.

– Ладно, пусть будет рулет с маком. Может, хоть засну нормально сегодня.

После ужина они расположились в гостиной возле камина. Морис прикатил столик с чаем и нарезанным рулетом.

Дон встал на задние лапы и дотронулся лапой до колена Мориса.

Миндаугас отломил небольшой кусочек рулета, стряхнул с него мак и положил перед котом.

Тот обнюхал угощение и стал неторопливо жевать.

– Что за кот такой, – пробубнил Наполеонов с набитым ртом, – рулет ест.

Никто не прокомментировал его реплику, и Шура, поглядев на Мирославу и Мориса, продолжил:

– Вот у нас опер Боря носил своего кота к ветеринару, и тот посоветовал кормить его специальными кормами.

– Пусть он сам их ест, – лениво отозвалась Мирослава.

– Боря?

– Нет, ветеринар.

– Может, он и ест, – задумчиво проговорил Наполеонов. – Боря рассказывал, что мужик сам сильно на кота похож – рыжий, с усами, руки какие-то когтистые. Боря признался, что он поймал себя на желании стащить с него брюки.

– Это еще зачем? – искренне удивился Морис.

– Чтобы проверить наличие хвоста! – расхохотался Шура.

Морис бросил на него неодобрительный взгляд.

А Мирослава вздохнула:

– Ну и шуточки у тебя, Шурочка.

– А что вы хотите, – вздохнул Наполеонов горестно, – работа у меня грубая, и сам я – неотесанный мент.

– Не прибедряйся, – пнула его острым носом домашней тапочки Мирослава, – ты у нас начитанный, образованный мальчик.

– И не мент, а полицейский, – проговорил Морис.

– Все одно – легавый, – сокрушенно вздохнул Шура, глядя на опустевшее блюдо, где еще недавно лежал рулет.

– Можешь не вздыхать, – сказала Мирослава, – все равно сегодня ничего больше не получишь.

– Жестокая ты, – проговорил Наполеонов, допил чай и, поставив на столик опустевшую чашку, поудобнее устроился в кресле.

– Как хорошо у вас, ребята. – Шура потянулся всем телом и покосился на растянувшегося на ковре вблизи камина кота.

Отсветы огня неровными всполохами падали на черную шерсть и растекались на ней всеми оттенками шоколадного цвета.

– Оставайся ночевать, – сказала Мирослава.

– Останусь, – не заставил себя упрашивать Наполеонов.

Его ночевки в доме Волгиной были в порядке вещей. У него здесь и комната своя имелась. Называлась она Шуриной или наполеоновской.

А в комнате висела его гитара...

– Шура, спой что-нибудь, – попросила Мирослава.

Морис, не дожидаясь его согласия, отправился за гитарой.

– Ладно, – сказал Наполеонов, – спою вам шуточную песню про плохие привычки. Согласны?

– Согласны, – ответили они одновременно.

Шура взял из рук Мориса гитару, небрежно пробежался пальцами по струнам и, настроившись, запел:

* * *

Быть таким, как все, привык...

Ну, мужик я как мужик.

Прихожу искать работу,

И тут спрашивает кто-то:

– У тебя какой ай кью?
– Низкий, я курю и пью.
– Дверь закрой с той стороны, —
Отвечают мне они.

Жалоб нету на здоровье.
Пью, курю, я так привык,
Мачо же я, просто бык!
Секса, барышни? Извольте!
Но подвел меня «дружок»,
Раз за разом все не ок.
Стал растерян я, несмел.
Неудачник, не у дел...
Без работы, без любви,
Деньги кончились мои.
Разбежались все друзья.
Выбирал не тех ли я?
И какой же я мужик?
Я курить и пить привык.
Делай вывод, пацаны,
Я – позор своей страны.

Настоящий же мужик
С малых лет к труду привык,
Сердце, руки, голова
Служат верно. И слова
Не расходятся с делами.
Вот такими мужиками
Русь горда. Во всех веках
Держится на их плечах.

Когда затих последний аккорд, Мирослава приобняла Шуру и чмокнула его в макушку.
– Сокровище ты наше, – сказала она.
– Спасибо...
– Шура, я хотела бы перейти к серьезной теме, – начала она осторожно.
– Переходи, – разрешил он милостиво и тут же насторожился.
– Дело по убийству дочери Бельтюкова ты ведешь?
– Ну...
– У нас по этому делу сегодня клиент появился.
– Кто? – быстро спросил он.
– Ты же знаешь, – проговорила она с легким укором, – агентство имен не разглашает.
– Хотя бы фамилию, – попробовал он свести к шутке.
– Нет.
– Вот так всегда – нет да нет. А им все, что полиции известно, преподнеси на блюдечке с золотой каемочкой.
– Ну, зачем ты так?
– Ладно. Чего ты хочешь?
– Что уже известно по этому делу?
– Можно сказать, ничего.

- И все же.
Наполеонов вздохнул и поделился скупой информацией.
- Кого ты подозреваешь?
– Всех.
– Почему?
– Родственники могли быть заинтересованы материально...
– Ты видел завещание?
– Нет. Бельтюков – в реанимации и по-прежнему в бессознательном состоянии. Нотариус, естественно, нем как рыба. А с запросом на ордер я решил подождать.
- Есть надежда на благополучный исход?
Наполеонов пожал плечами.
- Но больше всех я подозреваю некоего Адама Сергеевича Верещака.
– Кто это? – Мирослава решила пока не выдавать своей осведомленности.
– Бывший поклонник жертвы.
– И почему ты его подозреваешь?
– Потому, что я не могу его найти. А горничная утверждает, что Евгения вроде как и не порывала с ним отношений...
– Понятно. А служба тоже под подозрением?
Он кивнул.
- Какие мотивы могут быть у них?
– Сказать сложно. Но, судя по сухим страницам протоколов, никто из них не любил Евгению.
- А хозяйина?
– К нему вроде бы отношение было неплохое.
– Спасибо.
– Не за что, дорогая. Кстати, завтра я собираюсь поехать туда и расспросить свидетелей еще раз лично. Могу прихватить тебя с собой. Поедешь?
– Еще спрашиваешь!
- Увлеченные разговором, они даже не заметили, как Морис собрал посуду и скрылся на кухне. И только сейчас Мирослава это заметила.
- Фу-ты! – сказала она и, поднявшись с кресла, добавила: – Пойду помогу.
– Он, наверное, давно уже сам управился, – заметил Шура.
– Морис завтра поедет с нами.
– Не возражаю.
- Миндаугас появился в дверях с несколькими поленьями в руках. Опустился возле камина, отодвинул решетку и положил дрова в огонь.
- Обрадованный новой порцией угощения, уже почти уснувший огонь заплясал веселее.
Часы пробили двенадцать.
- Было слышно, как за окном завывает ветер и шлепает тяжелыми редкими каплями дождь.
Дон прыгнул с кресла, потерся всем телом о ноги Мирославы, поднял голову, поймал ее взгляд и тихо мяукнул.
- И что все это значит? – спросил Шура.
– Хочет, чтобы мы пошли спать.
- Шура фыркнул.
- Кстати, я тоже хочу того же, – сказал Морис. – Спокойной ночи!
Он подхватил на руки кота и вышел из гостиной.
- Не, ну, викинг распоряжается твоим котом, как своим собственным, – не выдержал Шура.
- Ты кого больше ревнуешь, – засмеялась Мирослава, – меня или кота?

– Никого я не ревную, – отмахнулся Наполеонов.

Он подумал и вздохнул:

– Да и не стоит мне ссориться с Морисом даже из-за вас обоих, – он усмехнулся, – любовь любовью, а кушать хочется всегда.

– Поросенок ты, Наполеонов, – беззлобно обругала друга Мирослава и, пожелав ему спокойной ночи, тоже удалилась.

А Шура еще несколько минут сидел прямо на полу и смотрел на угасающий огонь, потом на завораживающее мерцание углей.

Мысли в его голове проносились причудливыми обрывками. Они были, казалось, обо всем и ни о чем конкретно.

Глава 5

Утро бледными жемчужными каплями стекало по стеклу...

За окном было тихо. Казалось, все вокруг затаилось и чего-то ждет.

Мирослава встала рано. Разбила яйца и вылила их в миску, которую тотчас забрал у нее

Морис.

Вздохнув, она принялась резать очищенный от шелухи лук.

Морис, глядя на ее слезы, уже собрался и лук сам нарезать, как вдруг она сказала:

– Шура после завтрака поедет в дом Бельтюкова. И я с ним.

Миндаугас кивнул.

– Я бы хотела, чтобы ты поехал с нами. Поедешь?

– Куда же я денусь, – усмехнулся он, – ведь вы – моя работодательница.

– Тогда взбивай яйца быстрее, – усмехнулась она. – Наполеонов, едва продрав глаза, затребует завтрак.

В подтверждение ее слов из коридора раздался голос Шуры:

– Мы завтракать скоро будем?

– Как только ты умоешься.

– Так я уже!

– Тогда режь хлеб.

– Эксплуататоры, – проворчал Наполеонов, беря в руки хлебный нож.

На кухне вкусно пахло жареным луком, ветчиной и скворчащей на сковородке яичницей.

– Ты какой сыр будешь, – спросила Мирослава, открывая холодильник, – голландский, белорусский, немецкий молочный тильзитер или сулугуни брянский?

– Мне все равно, – отозвался Шура, но потом опомнился и проговорил: – Лучше всего нарежь.

Морис и Мирослава обменялись понимающими взглядами.

– И нечего там переглядываться! – буркнул Шура.

– У тебя и на затылке глаза?

– А то! И вообще я вас насквозь вижу!

Ответом ему был веселый хохот.

– И чего смешного?!

– Представили картинку.

Около девяти утра Наполеонов сел за руль своей белой «девятки» и выехал со двора. Следом за ним последовала «Волга» Мирославы. На пассажирском месте сидел Морис.

Проводивший их пристальным взглядом Дон чихнул, почесал нос лапой и отправился досматривать кошачьи сны.

* * *

Первое, что они увидели, въехав в усадьбу, была огромная статуя рядом с воротами.

Морис, выбравшись из машины, долго ее рассматривал:

– Кажется, это Меркурий...

– Он самый, – подтвердил встретивший их Филипп Яковлевич Бельтюков.

Судя по его статной фигуре, выправке и гордой посадке головы, Мирослава решила, что Филипп Яковлевич – бывший офицер.

Хотя, наверное, бывшими офицеры не бывают...

Наполеонов предъявил документы и представил Мориса и Мирославу, назвав их детективами. И не уточнил, что детективы они частные.

Появление Мориса произвело неизгладимое впечатление на женщин, обитающих в доме миллиардера.

Миндаугас попросил разрешения осмотреть дом, ему любезно позволили, прикомандировав в сопровождающие хромого помощника садовника Осипа Белавина.

Красивый статный детектив мгновенно завоевал расположение Осипа тем, что спросил его имя-отчество и стал обращаться к нему исключительно как к Осипу Михайловичу, позволив называть себя в связи с молодостью просто Морисом.

Они комната за комнатой осматривали весь дом, не пропуская лестницы, коридоры, кладовки и прочие помещения.

Осип охотно разъяснял Морису их предназначение и незаметно для себя разговорился и об обитателях дома.

Первым делом он похвалил Захара Борисова, сообщив, что тот – человек ответственный, хорошо знающий свое дело и пользующийся доверием хозяина.

– А как Борисов относится к Бельтюкову?

– Как, как, – проговорил Осип, – со всем уважением, но без раболепства. Захар Петрович себе цену знает.

– А какие отношения у Борисова были с Евгенией Бельтюковой? – небрежно поинтересовался Морис, осматривая высокие окна гостиной.

– Как он мог к ней относиться? – удивился Осип. – Как к хозяйской дочке.

– Возможно, девушка нравилась ему?

– Шутите?! Захар Петрович – человек разумный, зачем ему неприятности на рабочем месте? Девиц и без Евгении Бельтюковой пруд пруди.

– Мало ли... – неопределенно протянул Морис, – все-таки брак с Евгенией...

– Брак?! – перебил его, захохотав, Осип. – Это только в сказках Андерсена свинопасы превращаются в принцев.

И, тотчас смутившись от вырвавшегося у него сравнения, проговорил:

– Я не это хотел сказать.

– Не волнуйтесь, Осип Петрович, я понял, что вы имели в виду, – Морис дотронулся до плеча старика, – и не в моих привычках передавать разговоры тем, о ком они ведутся.

– Спасибо, – проговорил приободрившийся Осип и добавил: – Я бы скорее поверил, что дочка Бельтюкова на Захара засматривается. Да только мираж все это.

Морис не стал выяснять, что именно имел в виду помощник садовника. Не желая спугнуть старика, вместо этого он спросил:

– Я вижу, что у вас в доме живет много народа. Хозяин так любит свою родню?

– Да вроде того, – замялся Белавин.

– Насколько я понял, у ворот нас встретил брат хозяина...

– Двоюродный, – поправил его Осип.

– Он постоянно живет в доме?

Белавин кивнул:

– Как я пришел, Филипп Яковлевич уже был здесь. – Осип подумал и добавил: – Помоему, он поселился у брата сразу после отставки. А раньше-то на службе в армии был.

– Он одинокий?

– Один как пень, – и Осип грустно вздохнул, – совсем как я, хотя у Филиппа Яковлевича есть еще брат и племянник, а у меня – только свояченица с дочерью.

– Наверное, вы из-за привязанности к дому Бельтюкова с родственниками редко видите, – сочувственно проговорил Миндаугас.

– Как раз наоборот, как стал служить у Бельтюковых, свояченицу почти каждый день вижу, да и дочку ее часто...

– Вот как? – удивился Миндаугас.

– Ну, конечно, – всплеснул руками Осип, – моя свояченица – Серафима Оскаровна Нерадько. Она меня сюда и пристроила. Сама-то она, почитай, уже лет двадцать шесть, ежели не больше, в доме Бельтюковых домоправительницей служит.

– Хорошо, когда родственники рядом, – заметил Морис.

– Да, неплохо это, – согласился Осип.

– А кем приходится хозяину молодой человек, что так неприветливо на нас посмотрел?

– Неприветливо? Это вам показалось, – проговорил Осип. – Это племянник Валентина Гавриловича, Мирон. Очень он переживает из-за дяди.

– А сестру ему не жаль? – удивился Морис.

– Как не жаль! – всплеснул руками Осип. – На нем, когда он спустился вниз после того, как увидел убитую, просто лица не было. А Серафима Оскаровна рассказывала, что он вечером как заперся в своей комнате, так и не выходил. Она несколько раз к двери подходила: то молока ему приносила, то поесть. А он ей так и не открыл. Из-за двери сказал: «Оставьте меня в покое».

– А она?

– Что она, повздыхала да ушла, мне вот потом пожалилась, сказала, что вроде слышала глухие рыдания, видать, плакал он. Погоревали мы с ней вместе, да и разошлись каждый к себе.

Про себя Морис подумал, что племянник от смерти двоюродной сестры выигрывает материально. Если он самый близкий родственник миллиардера, то теперь все перейдет к нему. Интересно, конечно, взглянуть на завещание Бельтюкова, много ли он оставил другим своим родственникам, тому же брату и...

– А мужчина и симпатичная женщина, что жалась к нему, – тоже близкие родственники Валентина Гавриловича?

– Не сказать, чтобы близкие, – Осип почесал подбородок, – Василий Афанасьевич – отчим Мирона, а Вера Максимовна его вторая жена.

– Странно, что Бельтюков приютил их в своем доме.

– Мне ничего про это неведомо, – пожал плечами Осип, – и мое дело – маленькое, занимайся оранжерей и помалкивай.

– Конечно, конечно, – согласился с ним Морис, – но теперь, после гибели Евгении, полиции приходится совать нос повсюду, иначе убийца может остаться безнаказанным.

– Вот гад! – вырвалось у Осипа.

– Кто?

– Да тот, кто убил девку! Она, конечно, взбалмошная была, но ведь молодая совсем. И как рука только поднялась?

– А вы никого не подозреваете?

– Да кого же я могу подозревать? – удивился старик.

– И все же.

– Я думаю, что это кто-то пришлый. Забрался в поместье, увидел открытое окно и полез!

Морис вспомнил, как Наполеонов сказал Мирославе, что след от обуви, оставленный на клумбе под окнами, не подходит никому из проживающих в доме мужчин. И в то же время полиция сомневалась, что кто-то посторонний мог незаметно проникнуть на территорию поместья, тем более среди белого дня.

Хотя ночью, когда включают сигнализацию и выпускают целую стаю свирепых собак, сделать это злоумышленнику еще тяжелее.

Наполеонов тем временем беседовал с родственниками жертвы, выбрав для этой цели малую гостиную, хотя Филипп Яковлевич предложил им поначалу расположиться в большой гостиной.

Но следователь посчитал, что большие помещения расхолаживают свидетелей, а обилие вещей отвлекает их внимание от главного, то есть от его вопросов.

Мирослава сидела поодаль и наблюдала за входившими по одному в гостиную родственниками.

Она почти не вмешивалась в беседу.

Первым на правах старшего в доме был приглашен Филипп Яковлевич Бельтюков.

Высокий, статный, седой, со спокойным и несколько печальным взглядом светло-голубых глаз, он вызывал невольную симпатию.

Мирославе Волгиной этот человек понравился с первого взгляда.

Она редко ошибалась в людях. И в этот раз, надеясь на честность и объективность дяди погибшей, старалась не пропустить ни одного слова из сказанного им.

Филипп Яковлевич подробно изложил события рокового дня, начиная с самого утра, и теперь смотрел на следователя, ожидая его вопросов.

– Вы не припомните, ничего странного, настораживающего не произошло в тот день?

– Нет, – покачал головой Бельтюков.

– И вы утверждаете, что все родственники были после обеда у вас перед глазами?

– Да, мы все оставались сидеть в гостиной. Только Мирон вышел прогуляться, но его было видно из окна. Там же прогуливалась Инна, дочь Серафимы Оскаровны.

Наполеонов кивнул.

– Правда, потом Инна пошла дальше по дорожке и скрылась из виду.

– Она могла незаметно войти в дом, пробраться на второй этаж...

– Нет, не могла, – перебил его Филипп Яковлевич, – да и зачем ей убивать Евгению?

– Мало ли... – неопределенно отозвался следователь.

– Потом, она девушка, – сказал Бельтюков, – и навряд ли обладает силой, которая помогла бы ей справиться с другой девушкой.

Наполеонов мог бы поспорить на тему физической силы девушек, но делать этого не стал.

– Вы утверждаете, что Мирон вошел в дом и сразу присоединился к остальным?

– Да, утверждаю, – кивнул седой породистой головой Филипп Яковлевич.

– Я понимаю, что мой вопрос может показаться вам некорректным, – задумчиво проговорил следователь, – но все-таки ради установления истины постарайтесь ответить на него честно.

– Задавайте свой вопрос, – грустно улыбнулся Бельтюков.

– Были ли какие-либо ссоры, конфликты, столкновения интересов в вашем семействе?

– Ничего такого я не припомню, – помедлив несколько секунд, проговорил Филипп Яковлевич.

– Что, все всегда были довольны друг другом? – не поверил следователь.

– Нам просто нечего было делить, – пожал плечами мужчина, – к тому же Валя не потерпел бы в своем доме никаких свар, косых взглядов и особенно скандалов.

– То есть члены семейства могли иметь претензии друг к другу, но сказать об этом вслух или даже предъявить претензии просто не решились бы, опасаясь гнева хозяина?

– Ничего подобного! – искренне возмутился Бельтюков. – Я же говорю вам, у нас не было причин для недовольства друг другом.

– Так не бывает, – заметил следователь, – порой даже пустяки могут раздражать, и время от времени ссорятся даже очень близкие люди.

Филипп Яковлевич вместо ответа пожал плечами.

– Вы знали о том, что Валентин Гаврилович составил завещание?

- Да, мне это известно.
- От кого?
- Валя сам мне сказал.
- А само завещание вы видели?
- Нет, конечно.
- Значит, вы знаете о нем только со слов брата? – уточнил следователь.
- Филипп Яковлевич согласно кивнул.
- Брат не рассказывал вам, кому он завещал основную часть своего капитала?
- Это и так понятно – Евгении.
- А вам он что-то завещал?
- Да, на усмотрение Евгении: право жить в этом доме до конца моих дней либо сумму на покупку хорошего жилья.
- Сумма оговорена?
- Да.
- Насколько она велика?
- Не пытайте меня, – скривил губы Бельтюков, – Валя жив, и я не собираюсь информировать вас о его завещании без его согласия.
- Скажите хотя бы, сумма достаточна для того, чтобы купить приличное жилье?
- Скажу больше – она так велика, что племяннице было бы выгоднее разрешить мне до конца моих дней проживать в этом доме.
- Понятно. – Наполеонов постучал обратной стороной ручки по листку бумаги, лежавшему перед ним, и спросил: – Надеюсь, племянника он тоже не обидел?
- Не обидел, – подтвердил его предположение Бельтюков. – Мирон после смерти дяди не только будет обеспечен хорошим жильем, но и станет получать ежемесячную выплату в течение пятнадцати лет.
- Почему пятнадцати? – спросил следователь.
- По разумению Вали, за это время Мирон уже должен сколотить свой собственный капитал.
- А если не сколотит?
- У него остается еще неплохое наследство после матери.
- А велика ли ежемесячная выплата, которую он будет получать в течение пятнадцати лет?
- На безбедное существование всей семьи вполне хватит.
- Какой семьи? – удивился Наполеонов.
- Ну, Мирон же не будет один всю жизнь куковать. Скоро он женится. А там и дети появятся.
- Что, и невеста уже имеется? – поинтересовался следователь.
- Имеется, – невольно улыбнулся Бельтюков.
- И кто она, если не секрет?
- Какой же тут может быть секрет, тем более от правоохранительных органов?
- Я весь – внимание, – нотки нетерпения прозвучали в голосе Александра Романовича. Мирослава тоже наострила уши.
- Невеста Мирона – Зиновия Витальевна Бочарова.
- И чем она занимается? – спросил Наполеонов, так как имя невесты Порошенкова ни о чем ему не говорило.
- Пока Зиновия учится на дизайнера.
- То есть невеста капиталами похвастаться не может?
- Невеста, может, и не может, – губы Бельтюкова тронула тонкая усмешка, – а отец ее – человек небедный.

- И кто же он у нас?
- Виталий Константинович Бочаров.
- Так, так, – поторопил следователь.
- Уж не владелец ли консервного завода «Бычок»? – тихо спросила Мирослава.
- Он самый, – бросил на нее цепкий взгляд Филипп Яковлев.
- И невеста согласна? – спросил Наполеонов.
- Конечно, – кивнул Бельтюков.
- Вроде бы дочка владельца консервного завода могла бы найти себе женишка и побогаче, – недоверчиво проговорил Наполеонов.
- Молодой человек, вы забываете о любви! – воскликнул несколько пафосно Филипп Яковлевич.
- Следователь хмыкнул:
- Вы, конечно, извините меня великодушно, но в любовь богачей я не верю.
- Ну и напрасно, – почему-то обиделся мужчина.
- Папаша невесты тоже влюблен в будущего зятя?
- Александр Романович, – вклинилась Мирослава, – вы упускаете из виду связи.
- Чьи связи? – не сразу понял Наполеонов.
- Дяди будущего зятя.
- Это что же выходит, – недоуменно проговорил следователь, – племяннику смерть дяди не только невыгодна, но и может обернуться для него катастрофой?
- Катастрофой не катастрофой, – вздохнул Филипп Яковлевич, – но ничего хорошего она Миرونу не сулит, это точно.
- Ага. – Наполеонов что-то черкнул на листке.
- Филипп Яковлевич, к вам у меня пока больше вопросов нет.
- Я могу идти? – спросил мужчина, приподнимаясь.
- Да, пока можете. Если вы мне понадобится, то я навещу вас еще раз.
- Я и сам могу к вам приехать в управление, – ответил тот.
- Можно и так. Просто я подумал, что вам удобнее...
- Мне, может, и удобнее, но частые приезды полиции вредят имиджу дома и тех, кто в нем проживает.
- Разве вашему имиджу, Филипп Яковлевич, может что-то повредить? – усмехнулся Наполеонов.
- Моему – нет, – отчеканил тот, – но в доме этом, как вы могли заметить, я проживаю не один.
- Извините, не хотел вас обидеть.
- Я и не обиделся, – ответил Бельтюков и уверенной походкой военного человека направился к двери.
- Пригласите, пожалуйста, Василия Афанасьевича Артамонова, – крикнул ему вслед следователь.
- Хорошо, – ответил Филипп Яковлевич, не оборачиваясь.
- Серьезный старик, – вздохнул следователь, когда за Бельтюковым прикрылись двери.
- Да, что есть, то есть, – согласилась Мирослава.
- Дверь тем временем приоткрылась, и в гостиную шагнул высокий, широкоплечий мужчина средних лет с едва припорошенными сединами висками.
- Позвольте? – проговорил он и шагнул к столу.
- Да, конечно.
- Василий Афанасьевич Артамонов, – представился мужчина и перевел взгляд с Мирославы на Наполеонова.

– Мирослава Игоревна Волгина, детектив, а я – следователь, Александр Романович, – решил представить себя и Мирославу Шура – исключительно для лучшего установления контакта. Ведь и так уже все знали, кто они.

– Присаживайтесь, Василий Афанасьевич.

Артамонов бросил взгляд на диван и кресла, потом взял стул, обитый зеленым плюшем, поставил его напротив следователя и сел.

– У нас к вам несколько вопросов.

Артамонов согласно кивнул.

– Расскажите нам, пожалуйста, как можно подробнее, начиная с утра, о том дне, когда была убита Евгения.

– С утра я был занят делами фирмы, – бесстрастно начал мужчина, – но к обеду вернулся домой. Обед прошел как обычно, а после него Женя собиралась устроить нам показ мод, если это можно так назвать.

– Евгения когда-нибудь работала в модельном бизнесе? – спросила Мирослава.

– Ну что вы! – замахал на нее обеими руками Артамонов.

– Почему же показ мод?

– Ну, это условно! Женечка собиралась продемонстрировать нам наряды, которые они накупили во время утреннего шопинга.

– Кто они? – спросил следователь.

– С Женей ездила Верочка. Моя жена.

– Ваша жена тоже должна была участвовать в этом любительском показе?

– Нет, ну что вы. Вера купила всего один костюм, она показала его мне и сразу убрала в шкаф.

– Ваша жена не любительница шопинга? – спросила Мирослава.

– Моя жена – нормальная женщина, – вздохнул Артамонов, – но мы не настолько богаты, чтобы закупать возы, в общем-то, ненужных тряпок.

– А разве Валентин Гаврилович не оплачивал ваши траты?

– Нет, с какой стати? – обиженно спросил Василий Афанасьевич.

– Я просто уточнил, – мягко проговорил следователь, – Бельтюков ведь предложил вам проживание в своем доме?

– Это совсем другое, – ответил Артамонов. – Во-первых, его сестра была моей первой женой, и мы с ней хорошо жили, во-вторых, с Мироном у меня тоже сложились дружеские отношения.

– Пасынок называет вас отцом?

– Да. – Артамонов слегка замялся, а потом сказал: – Валентин настоял, чтобы я усыновил мальчика.

– Сами вы этого не хотели?

– Скажем так: эта мысль не приходила мне в голову, но, когда Валя предложил, я не стал спорить.

«Еще бы», – усмехнулся про себя Наполеонов, но на выражении его лица это никак не отразилось.

И Артамонов продолжил:

– В-третьих, я играю заметную роль в бизнесе Валентина.

– И получаете достойную зарплату?

– Да, – не стал отрицать мужчина.

– Если Бельтюков не выживет, то к кому перейдет его бизнес?

– Этого я не знаю.

– Но не к вам?

– Я бы очень сильно удивился, если бы Валентин завещал мне хотя бы часть своего бизнеса, – усмехнулся Артамонов.

– Может ли бизнес перейти к вашему пасынку?

– Затрудняюсь ответить.

– Валентин Гаврилович говорил с вами когда-нибудь о своем завещании?

– Нет, – сразу ответил Артамонов.

– Может, делал какие-то намеки?

– Нет, он вообще в разговоре со мной никогда не касался темы завещания.

– А вы сами имели предположение о том, кто станет наследником?

– Об этом и думать не надо было. Его единственной наследницей была единственная дочь Евгения.

– Вы не знаете, могли ли быть у Валентина Гавриловича другие дети?

– Нет, – коротко, но решительно ответил Василий Афанасьевич.

– Теперь, когда Евгении не стало, кто может претендовать на наследство Валентина Гавриловича?

Артамонов задумался на минуту, потом ответил:

– Я думаю, Мирон и Филипп Яковлевич.

– Какие отношения были у Филиппа Яковлевича с братом и племянницей?

– Родственные.

– А точнее?

– Да отличные у них были отношения, можете не сомневаться. Это вам любой подтвердит. С братом Филиппа Яковлевича связывали не только родственные, но и дружеские отношения. Валентин, не раздумывая, мог во всем положиться на брата. А в племяннице Филипп Яковлевич души не чаял! Баловал ее. Правда, случалось, что и журил иногда.

– За что журил? – сразу же заинтересовался следователь.

Артамонов прикусил язык и стал сосредоточенно рассматривать свои отполированные ногти идеальной формы.

– Василий Афанасьевич, так за что же Филипп Яковлевич журил свою племянницу?

– Понимаете ли, – нехотя проговорил мужчина, – Женечка была очень увлекающейся девушкой...

– Играла в казино?!

– Ну что вы! – протестующе поднял руку Артамонов.

– На скачках проигрывала деньги?

– Да нет же! Женечка, как бы это мягко выразиться, любила мужчин.

– Мужчин многие девушки любят, – покосился на Мирославу Наполеонов.

– У Женечки из-за этого время от времени случались недоразумения.

– Какие именно?

– Да разные, – отмахнулся Артамонов.

– И все же, – настаивал следователь.

– В восемнадцать лет она поехала отдыхать в Испанию и там увлеклась одним тамошним мачо. Он уверил Женю, что он то ли гранд, то ли барон, и предложил по-быстрому тайно пожениться. Хорошо, что Вале вовремя предупредили, он немедленно полетел в Испанию и привез дочь домой. Женя очень переживала, ссорилась с отцом.

– Барон оказался не бароном?

– Да какой там барон – обыкновенный альфонс, – вздохнул Артамонов.

– Было еще несколько не очень приятных историй. Лет в девятнадцать она увлеклась одним симпатичным малым, который работал официантом в баре. Вале удалось сорвать и эту намечающуюся свадьбу.

– Это все?

– Потом Женя встречалась с мужчинами, но замуж за них уже не собиралась. Пока на горизонте не появился Адам Верещак.

– И кто это?

– Да так, актеришка из цирка.

– Евгения собиралась выйти за него замуж?

– В том-то и дело.

– Но Валентину Гавриловичу удалось воспрепятствовать заключению и этого брака?

– С большим трудом, – признал Артамонов.

– И чтобы больше не искушать судьбу, он взял дело в свои руки и сосватал ей Репьева Марка Анатольевича, сына владельца банка «Гера» и сети обувных магазинов «Стойкий башмачок» Анатолия Константиновича Репьева...

– Откуда вы знаете? – удивился Артамонов.

– Полиции полагается все знать по долгу службы, – строго проговорил следователь.

Артамонов грустно закивал головой, то ли соглашаясь со следователем, то ли порицая его за осведомленность.

– Но и эта свадьба не состоялась? – спросил Наполеонов.

– Не состоялась, – вздохнул Василий Афанасьевич.

– По какой причине?

– Никто не знает.

– То есть?

– Репьев расторг помолвку и не удосужился объясниться.

– Валентин Гаврилович легко смирился с этим?

– Ну что вы! Конечно, нет! Был скандал. Но выносить сор из избы не стали, все замяли по-тихому. И Бельтюкову, и Репьеву не нужны пятна скандалов на имидже.

– Пятна бывают даже на солнце, – философски заметил Наполеонов.

– Сравнили, – хмыкнул Артамонов, – то – солнце, а то – бизнес. Солнце от своих пятен никаких убытков не несет. А бизнесмена всякий в грязи вывалить норовит, дай только повод.

– А Евгения сильно горевала из-за расторжения помолвки?

– Скажете тоже, горевала она, – усмехнулся Василий Афанасьевич, – как только узнала, что жених от нее отказался, сразу на радостях вечеринку закатила.

– Вот как? – озадачился следователь. – И где же проходила вечеринка, и кто на ней присутствовал?

– Подружки ее, наверное, – пожал плечами Артамонов, – где гуляли, не знаю. Спросите у Веры, Женя ей иногда рассказывала о своих делах.

– Вера – это ваша жена?

– Да. Потом может знать Глеб Земской.

– Шофер? – удивился Наполеонов.

– Шофер. Он ее обычно отвозил и привозил. Не садиться же ей, выпившей, за руль.

– Действительно, – согласился Наполеонов.

– А какие отношения были с сестрой у Мирона?

– Отличные были отношения. Они же вместе росли, вместе шалили и выросли.

– А ссоры между ними случались?

– В детстве случались, как и у всех детей.

– А позже?

– Позже? – переспросил Василий Афанасьевич. – Позже – нет. Чего им, взрослым, делить?

– Мирон мог завидовать сестре...

– Глупости, – отмахнулся Артамонов и тут же, спохватившись, добавил: – Извините.

– Ничего, мы привыкшие, – ответил следователь.

– Я просто хотел сказать, что Мирон – умный, способный парень. У него большое будущее, и он не станет...

– Портить имидж... – проговорила Мирослава.

Василий Афанасьевич пристально посмотрел на девушку и сказал:

– Вы совершенно правы. Дядя бы так и так о нем позаботился и помог крепко встать на ноги.

– Если бизнес Бельтюкова теперь перейдет к Мирону, он его продаст?

Лицо Артамонова приобрело выражение полной растерянности. Было видно, что подобная мысль никогда не приходила ему в голову.

– Но Валентин пока жив, – пролепетал он неуверенно.

– Пока, как вы верно заметили...

– Я думаю, что по закону какую-то часть бизнеса должен получить и Филипп Яковлевич.

– Возможно. Но разве он станет им заниматься?

– Скорее всего нет, – закручинился Василий Афанасьевич.

Следователь не мешал Артамонову как следует обдумать открывшееся истинное положение дел.

– Вы правы, – заговорил Василий Афанасьевич, – куда ни кинь – все клин.

– Хотя, вполне возможно, – решил ободрить его следователь, – Бельтюков выкарабкается и найдет возможность устроить все наилучшим образом.

– Только на это и остается надеяться, – вздохнул мужчина.

– Спасибо вам, Василий Афанасьевич, что вы ответили на наши вопросы. Вероятнее всего, нам придется побеспокоить вас еще не один раз.

Мужчина понимающе закивал.

– А теперь вы свободны. И пригласите, пожалуйста, к нам свою жену.

Артамонов, снова молча, покивал, тяжело поднялся со стула и направился к двери, прилегающая при ходьбе ноги, как старик.

Когда за ним закрылась дверь, Наполеонов, вздохнув, повернул голову к Мирославе и сказал:

– Кажется, я зря сказал ему про возможную продажу бизнеса.

– Почему зря? – не согласилась Волгина. – У него появилось время все обдумать и просчитать варианты.

– Думаешь?

– Уверена.

– Но он вышел отсюда, как мешком накрытый.

– Это у бизнесменов временное состояние, – улыбнулась Мирослава.

Шура еще что-то хотел сказать ей, но тут дверь приоткрылась и приятный женский голос проворковал:

– Вы меня звали?

– Да, да, Вера Максимовна, заходите.

Симпатичная, с высокой грудью, стройными ногами и миловидным лицом блондинка, которой на вид было лет тридцать, грациозно прошествовала от двери до удобного кресла и легко опустилась на него.

Перед мысленным взором Наполеонова нарисовалась бабочка, опустившаяся на чашечку цветка. Он закрыл глаза, потом открыл их и слегка помотал головой.

«Симпатичная жена у Артамонова», – подумала тем временем рассматривающая женщину Мирослава.

– Вера Максимовна, расскажите нам, пожалуйста, как можно подробнее о событиях того дня, когда в вашем доме произошла трагедия.

Артамонова облизала губы и начала рассказывать:

– Утром мы с Женей отправились по магазинам. Она хотела кардинально изменить свой гардероб.

– На то имелись причины?

– На что? – не поняла Артамонова.

– Для покупки нового гардероба?

– Собственно, нет, но Женя время от времени собирала все свои тряпки и отправляла на благотворительные акции, а себе покупала все новое.

Женщина посмотрела на Мирославу и спросила:

– Если деньги есть, то отчего же не позволять себе эти перемены?

– Возможно, дело не только в наличии денег для покупок, – проговорила та.

– А в чем же? – удивилась Артамонова.

– Например, в недовольстве собой, своей внешностью...

– Ну, что вы, – улыбнулась Артамонова, – Женя была очень красивой! Сейчас я вам покажу! – Она встала с кресла, быстро подошла к одному из отсеков шкафа, заполненного красивой посудой, присела на корточки, открыла нижний ящик и достала из него альбом, обтянутый бархатом.

Она подошла к столу, положила альбом перед Наполеоновым и раскрыла его:

– Вот, смотрите!

Мирослава подошла и встала рядом. С фотографий смотрела на них прелестная Мальвина. Под изогнутыми луками бровей сияли синие глаза, курносый носик был кокетливо вздернут, губы то капризно поджаты, то приоткрыты в белозубой улыбке. На одних фотографиях пепельные волосы рассыпались по плечам, на других набегали на лоб, а на третьих были подняты вверх и собраны в прическу.

Рука следователя переворачивала одну страницу альбома за другой. И на всех фотографиях Евгения была одна...

– Бельтюкова принципиально всегда снималась в одиночестве? – спросила Мирослава, заинтригованная этим обстоятельством.

– Нет, что вы! – воскликнула Вера. – Просто этот альбом собирал Валя, а он специально выбирал такие фото. Видите, – она хлопнула миниатюрной ладонью по обложке, – обит бархатом, короче, сделан под старину, опять же по заказу Валентина.

– То есть существуют фотографии, на которых Евгения с родственниками, с друзьями?

– Да сколько угодно!

– А где они?

– В комнате у Евгении, есть у Филиппа Яковлевича, у Мирона и у нас с Васей.

– С Васей? – растерялся следователь.

– Ну, у нас с мужем моим, Василием Афанасьевичем.

– Ах да, – хлопнул себя по лбу Наполеонов, он как-то не сообразил, что для родной жены Василий Афанасьевич Артамонов – просто Вася...

– Наверняка фото Жени есть у ее друзей.

– И у подруг?

– Подруг у нее не так уж много. Рита Зазулина, Катя Мишлевская, Лена Кокорина, – начала перечислять она, – и... я.

– Вы тоже были подругой Жени?

– Можно сказать и так, – слегка смутилась Вера и, посмотрев на следователя, спросила прямо: – Я кажусь вам старой?

– Ну что вы! – замахал он руками.

– Ну, вот, видите, так что мне ничто не мешало дружить с Женей, тем более что мы жили с ней в одном доме и даже были, можно сказать, родственницами.

– Действительно, можно сказать, – согласился Наполеонов.

- Чего только нельзя сказать? – улыбнулась про себя Мирослава.
- И вы, конечно, были наперсницей Евгении? – спросила она вслух.
- Наперсницей?
- В том смысле, что она доверяла вам свои девичьи секреты, делилась тайнами.
- Иногда, – нерешительно проговорила Артамонова.
- Женя любила своего жениха?
- Репьева?! – искренне удивилась Вера.
- А что, у нее были и другие женихи?
- Ну, не так чтобы женихи, – замялась Вера.
- Хорошо, поставим вопрос так: Вера любила Марка Репьева?
- Нет.
- Она огорчилась, когда он расторг помолвку?
- Нисколечко, – усмехнулась Артамонова.
- Скорее обрадовалась?
- Вот именно, – подтвердила она.
- И поехала отмечать радостное известие в ресторан?
- Нет, в ночное кафе.
- В какое?
- «Веселые бабочки».
- Так...

Вера смотрела на следователя то ли со скрытой насмешкой, то ли с лукавством.

- Вы были на этом празднике жизни? – спросил он.

– Конечно, – кивнула Артамонова, и вдруг неожиданно для Александра и Мирославы ее лицо приобрело выражение озабоченности.

- Что случилось?
- Ради бога, не говорите об этом моему мужу. – Она молитвенно сложила руки на груди.
- Почему? – удивился Наполеонов.

А Мирослава уже догадалась о причине и, отвернувшись в сторону, улыбнулась.

- Потому что, – пролепетала Вера, – мы были там не одни...
- И что с того? – все еще не понял следователь.
- Понимаете, мой муж, он может не так истолковать...
- Что истолковать? – рявкнул уставший от загадок следователь.

Вера кусала губы.

- Там были мальчишки по вызову, – пришла ей на помощь Мирослава.

Артамонова кивнула.

– Ну, вы даете, – пробормотал следователь, переводя взгляд с Веры на Мирославу и обратно.

- У меня там ничего ни с кем не было, – прошептала готовая расплакаться Вера.
- Мы ничего не скажем Василию Афанасьевичу, – заверила ее Мирослава и толкнула Наполеонова локтем в бок.

Тот тихо ойкнул и поспешил подтвердить:

- Да, мы не скажем ему об этом ни единого слова.
- Спасибо вам! – Вера подскочила к не ожидавшему подвоха Наполеонову и звучно чмокнула его в щеку.

Она хотела то же самое проделать с Мирославой, но та успела отскочить в сторону и быстро проговорила:

- Не стоит благодарности.
- Вы не понимаете! Вы сейчас только что спасли наш брак.

– Замужним дамам надо бы быть поосмотрительнее, – пробурчал недовольный Наполеонов.

– Я знаю, но Женя такая напористая! Была, – добавила Артамонова, – я не смогла ей отказать.

– В кафе и обратно вас возил Глеб Матвеевич Земской?

– Да.

– Вы уверены, что он будет держать рот на замке?

– Он не знает, кто присутствовал на вечеринке. К тому же он не из болтливых и не любопытен.

– А теперь, Вера Максимовна, расскажите нам об Адаме Сергеевиче Верещаке.

– Об Адамчике? – улыбнулась Вера. – Он – душка!

– Мог ли он убить Евгению Бельтюкову?

– Да что вы такое говорите! – Вера испуганно замахала на следователя руками. – Он любил Женечку!

– Но она его бросила.

– Ничего она его не бросала! – вырвалось у Артамоновой. Она тотчас прикрыла рот ладонью. Но было уже поздно.

– А вот с этого места, пожалуйста, поподробнее, – строго проговорил следователь.

И, взглянув в его глаза, Вера поняла, что придется все рассказать. Совершив оплошность и проговорившись, она сама не оставила себе выбора.

– Хорошо, – сказала Артамонова, поглубже забиваясь в кресло, – Женя и Адам очень любили друг друга.

Женщина вздохнула и продолжила:

– Но Валентин Гаврилович не хотел, чтобы Женя с ним встречалась.

– Почему? – невинно поинтересовалась Мирослава.

– Вы еще спрашиваете?! – не поверила Вера своим ушам.

– Спрашиваем, – кивнул Наполеонов.

– Послушайте, вы что, с луны свалились?

– Нет, а что такое? – округлил глаза следователь.

Мирослава отлично понимала, к чему клонит Артамонова, но сделала вид, что ни о чем не догадывается.

– Ладно, – махнула рукой Вера, – объясняю для тех, кто все еще не в курсе. Общество у нас давно расслоилось. И богатые не хотят, чтобы их дети встречались с бедными. Адам – всего-навсего артист цирка. А Евгения – дочь миллиардера. Была... – снова поправила сама себя Артамонова.

– Где Бельтюкова и Верещак познакомились?

– Как где?! – Вера округлила глаза. – В цирке!

– Дочь миллиардера посещала цирк? – спросил следователь с хорошо скрытой иронией.

– Представьте себе! Женя обожала цирк с детства.

– И отец разрешал ей посещать его?

– Разрешал. Она уже взрослая девушка, и он не мог постоянно ее контролировать. К тому же Валентину Гавриловичу даже в голову не приходило, что Женя увлечется циркачом...

– Недальновидный отец, – покачал головой Наполеонов.

– Почему?

– Потому, что уже были альфонс и официант...

– Ну... – Вера не нашлась что ответить.

– Хорошо, оставим отцовские промахи на совести Бельтюкова, лучше расскажите подробнее, как состоялось знакомство Адама и Евгении.

– Да очень просто. – Вера нетерпеливо повела плечами. – Жене очень понравилось его выступление. После того как представление было закончено, она пошла к Адаму, вручила цветы и пригласила его отужинать вместе с ней в «Нептуне».

– И он сразу согласился?

– Представьте себе!

– Но ведь там цены кусаются, и, наверное, для артиста цирка не так легко решиться на...

– Да ладно вам! – снова отмахнулась Вера. – Пригласила его Женя, она и платила.

– И он согласился? – не выдержала Мирослава.

– Вы Женю не знали... – повернула голову в сторону детектива Артамонова. – Противостоять ее натиску было практически невозможно.

– А после ужина?

– После ужина они поехали в гостиницу и провели там, по словам Жени, незабываемую ночь.

– Как об их романе узнал отец?

– Очень просто. Адам – весь из себя романтический герой, он повадился по ночам забираться в комнату Евгении по плетям плюща.

– Но как же он обошел собак?!

– Женя заранее отключала сигнализацию и закрывала собак.

– И кто-то сказал об этом Бельтюкову.

– Скорее всего, – пожала плечами женщина, – либо он сам это заметил.

– Скажите, а как относилась к Евгении обслуга?

– Как они могут к ней относиться? С почтением...

– Они недолюбливали ее?

– Не знаю, – задумалась Артамонова, – возможно, но внешне это никак не проявлялось...

– А у них были причины не любить Женю?

– Не думаю... Если только у Инны...

– А какие причины были у Инны?

– Мне кажется, Инна завидовала Жене...

– Хорошо. Вернемся к отношениям Евгении с Адамом. Значит, отец узнал об их романе и запретил им встречаться.

– Да, они тогда с Женей серьезно поговорили.

– И Евгения пообещала отцу не встречаться с любовником?

– Типа того...

– Однако обещание не сдержала?

– Она и не думала его сдерживать.

– А как же ее помолвка с Репьевым?

– На ней настоял отец.

– А Марка, в свою очередь, заставил заключить помолвку его отец Анатолий Константинович Репьев?

– Не могу сказать, так как не знаю. Но уверена, что Женя Марку нравилась. И скорее всего он был не против брака с ней.

– Но ведь помолвку расторг он, а не Евгения.

– Да, он.

– Почему?

– Это никому, кроме самого Марка, и, возможно, Жени не было известно.

– Может она призналась ему, что любит другого?

– Не знаю...

– Что думала делать Евгения, если бы Репьев не расторг помолвку?

– Не знаю, – снова сказала Артамонова.

– Она вышла бы за него замуж?

– Сомневаюсь...

– Вы можете дать нам адреса ее подруг и их телефоны?

Вера задумалась, кусая губы, но уже через минуту согласно кивнула, добавив:

– Вы ведь их все равно установите.

– Конечно, – подтвердил следователь, – но, во-первых, это займет определенное время.

– А во-вторых, я утрачу ваше доверие, – кисло улыбнулась Артамонова.

– Да, в какой-то мере.

– Записывайте.

Она продиктовала номера трех девушек – Риты Зазулиной, Кати Мишлевской и Лены Кокориной.

– А против общения с подругами Бельтюков ничего не имел?

– Нет, – улыбнулась Вера, – они девочки из так называемых приличных семей.

– Дочери врачей, учителей, инженеров, артистов, ученых? – не удержавшись, съязвил

Наполеонов.

– Ну что вы! Скажете тоже! – рассмеялась Вера. – Нашли элиту! Нет. Рита – дочь Алек-

сандра Степановича Зазулина – линия косметических товаров «Калинка», Катин отец Харитон Константинович Мишлевский владеет тремя салонами красоты «Глаз не оторвать», папа Лены Михаил Глебович Кокорин – владелец сети мясных магазинов «Му и компания».

Наполеонов задумчиво склонил голову.

– Что-то не так? – насторожилась Вера.

– Все не так, – ответил он.

– Но я...

– Дело не в вас, извините, я о своем.

Позднее, когда Артамонова вышла из малой гостиной миллиардера Бельтюкова, он спросил свою подругу детства:

– Слава, как же мы докатились до такого, что нашей элитой стали владельцы лавок и салонов?

– Думаю, что катиться на самом деле мы начали давно, – проговорила Мирослава задумчиво.

– Что ты этим хочешь сказать?

– Помнишь, когда мы были маленькими, то не раз слушали миниатюру «Дефицит» в исполнении Аркадия Исааковича Райкина, там есть такие слова: «Уважаемые люди сидят: завсклад сидит, директор магазина сидит, сзади товаровед сидит... Завсклад идет – мы его не замечаем. Директор магазина – мы на него плюем! Товаровед обувного отдела – как простой инженер! Это хорошо?»

– Но ведь дефицита давно нет! – горячо возразил он.

– А уважаемые люди все те же, – невесело усмехнулась Мирослава.

– Черт бы все это побрал! – выругался Наполеонов.

В его кармане зазвонил сотовый.

Следователь, не глядя на то, кто ему звонит, проговорил:

– Абонент занят, поиндинокайте позже.

Тем временем дверь приоткрылась, и в нее заглянул Мирон Ильич Порошенков.

– Можно? – спросил он слегка надтреснутым голосом.

– Да, заходите, Мирон Ильич, присаживайтесь.

Порошенков сел напротив следователя, тяжело вздохнул и сложил руки на коленях.

– Изложите нам, пожалуйста, подробно события того дня, когда убили Евгению Бельтюкову.

Мирон снова вздохнул, облизал пересохшие губы и повел рассказ бесцветным голосом.

Все, что он говорил, полностью совпадало с рассказами Филиппа Яковлевича и супругов Артамоновых.

– Гуляя в саду, вы никого не встретили? – спросила Мирослава.

Мирон повернул голову в ее сторону и ответил:

– Встретил Инну Нерадько.

– Вы разговаривали с ней?

– Так, обменялись парой фраз, – ответил он.

– Скажите, а как Инна относилась к Евгении?

– Нормально. А почему вы спрашиваете? – насторожился он.

– Может быть, между девушками пробежала черная кошка? – спросил Наполеонов, игнорируя вопрос Порошенкова.

– Никто между ними не пробегал, – почему-то занервничал Мирон.

– То есть они не ссорились?

– Как вы себе это представляете?! – голос Порошенкова перестал быть бесцветным.

– Обычно, – улыбнулся следователь, – девушки время от времени имеют привычку ссориться...

– Может быть, – набычился Мирон, – если они на равных. Но не в том случае, когда одна из них – дочь хозяина, а другая – дочь его служащей.

– Понятно. А какие отношения были у вас с Евгенией?

– Обычные, родственные.

– Вы не ссорились?

– Разве только в детстве, – неожиданно улыбнулся он.

– А потом?

– Что потом? – искренне удивился Мирон.

– Повзрослев, вы ссориться перестали?

– Что нам делить-то?

– Наследство.

– Чье наследство? – не понял Порошенков или, как предполагали Наполеонов и Мирослава, сделал вид, что не понял.

– Наследство вашего дяди, – спокойно пояснил следователь.

– Какое я имею к нему отношение?

– Теперь – прямое, – заметил Наполеонов.

– Что вы хотите этим сказать? – напрягся Мирон.

– Теперь, когда вашей сестры нет, а дядя на ладан дышит...

– На какой еще ладан?

– Это в переносном смысле, – по-прежнему спокойно продолжил следователь, – наследство переходит к вам.

– Что значит переходит? Дядя еще жив! Потом, есть Филипп Яковлевич, Вася, Вера.

– Ну, предположим, ваш отчим и его жена никак не могут рассчитывать на наследство. Филипп Яковлевич сам немолод, и наследников у него нет.

– Я одного не пойму: к чему вы клоните?!

– К тому, что вы заинтересованы в смерти своей сестры и дяди.

– Бред! Я все время был на глазах сразу у нескольких человек. Они могут это подтвердить.

– Могут, – согласился Наполеонов.

– Чего же вы тогда хотите от меня?!

– Ничего. Мы просто ищем убийцу вашей сестры. Вы что-то имеете против этого?

– Нет, конечно! Просто вы как-то странно ищете.

– Ну, так помогите нам.

- Как?!
 - Вы сами кого-то подозреваете?
 - Нет... Если только Адама.
 - Кто это? – сделал вид, что ничего не знает, Наполеонов.
 - Отставной козы барабанщик! – выпалил Порошенков.
 - В смысле?
 - Бывший любовник Жени.
 - Почему же они расстались?
 - Мордой Адам не вышел, а туда же, со свиным рылом – в калашный ряд.
 - Вы что-то загадками говорите...
 - Да какие уж тут загадки? Адам Верещак, жалкий циркач, возомнил, что сможет стать зятем самого Бельтюкова.
 - А почему бы, собственно, нет? – невинно поинтересовалась Мирослава.
 - Потому, что у него в кармане мышь на аркане!
 - Бельтюков хотел выдать дочь за денежный мешок?
 - Не то чтобы за мешок, но и не за ничего.
 - Репьев Марк Анатольевич был подходящей парой?
 - Ну, – хмыкнул Мирон.
 - А Евгении Марк нравился?
 - Она его терпеть не могла.
 - Но была согласна на брак?
 - А куда ей деваться?
 - Она могла выйти за любимого...
 - Это только в народном фольклоре с любимым рай в шалаше.
 - А в жизни?
 - В жизни на то, чтобы комфортно жить, нужны деньги.
 - У Адама их не было?
 - Совершенно верно, – ухмыльнулся Порошенков.
 - Скажите, какие у вас были отношения с Инной Нерадько? – неожиданно спросила Мирослава.
 - Что вы имеете в виду? – подскочил в кресле Мирон.
 - Только то, что спросила.
 - Нормальные у нас были отношения.
 - Она вам нравилась?
 - У меня есть невеста.
 - Да, конечно, Инна же не подходит вам по статусу?
 - Я вообще не понимаю, при чем здесь Инна? И какое отношение она имеет к нашей семье? И к убийству Жени?
 - Возможно, никакого.
 - Вот именно! Зато Адам вполне мог забраться в комнату Жени и убить ее.
 - Почему вы так думаете?
 - Потому что он – циркач и раньше уже не раз забирался к ней этим путем.
 - Какой у него мог быть мотив?
 - Банальная месть!
 - После того как Марк разорвал помолвку с Евгенией?
 - Он мог этого не знать...
 - А разве об этом не писали газеты?
 - Читаете светские хроники? – усмехнулся Мирон.
- Наполеонов покачал головой:

- Я – нет, но Адам скорее всего следил за развитием брачных дел любимой женщины.
- Не знаю я, следил он или нет, но, кроме него, разделаться с Евгенией больше было некому.
- Может быть, это был случайный грабитель?
- Вы сами-то верите в это? – усмехнулся Мирон.
- Мы рассматриваем все версии.
- На здоровье, – буркнул Порошенков. Всем своим видом он демонстрировал, что сказать следователю ему больше нечего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.